

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МАГ, ОДЕРЖИВАЮЩИЙ АРМИИ

18+

Aki Latus

Маг, сдерживающий армии

<https://litres.ru/74298524>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семьсот сорок инъекций. Пятнадцать лет в бетонной клетке. Он добровольно пошёл на эти муки, надеясь наконец найти покой. Однако вместо этого он обрёл силу бога и, словно в насмешку, проклятие вечной жизни.

Теперь он - «Первый Маг», стратегический актив России. Когда к Москве прорываются орды врагов, его выпускают на поле боя. Не как героя, но как орудие устрашения.

Вот только что делать, когда ты - самое мощное существо на планете, а твоя единственная цель - обрести покой? И что же страшнее для мира: твоя ярость или тихая милость?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	40
Глава 4	62
Глава 5	75
Глава 6	89
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Маг, сдерживающий армии

Глава 1

Вы когда-нибудь хотели умереть? Просто... взять и исчезнуть из этого мира. Раз и навсегда...

Вот я хотел.

И хочу до сих пор.

Почему? Мне... трудно объяснить свои желания. Но, думаю, я знаю, с чего стоит начать.

Моя работа — убивать людей.

Нет, я никакой не наёмник, не киллер и не зарубежный ниндзя. Я... военный. Снайпер, если меня ещё можно так назвать.

И моя история началась пятнадцать лет назад.

Тогда мне исполнился 31 год. Я сидел один в пустой однушке на окраине Москвы и ел свой праздничный торт... в гордом одиночестве.

Я был разочарован.

Разочарован собой, своей профессией, своим выбором, своей жизнью, своим будущим, своим... настоящим.

Да... Не таких слов многие ждут от военного. Всем подавай крутые истории, приключения, боевики... Рассказы о горячих точках. У меня много таких «историй».

Как я считаю — их у меня даже слишком много.

Нет, я не страдаю человеколюбием. Даже больше — для меня убить человека проще, чем... не знаю... Что вы, сидя в офисе, чувствуете, перебирая документы? Вот то же самое чувствую я, нажимая пальцем на спуск.

Я чувствовал опустошение тогда, сидя в промёрзлой однокомнатной бетонной коробке.

Мужику 31 год... И нет у меня ни семьи, ни любимой девушки, ни детей, ни великих целей... Нет даже денег или хотя бы желания купить машину. Лишь старый матрас в углу, старый стол с одним стулом и какая-никакая кухня. И личное кладбище за спиной. Вот и все мои поводы для гордости... Негусто.

Самый частый вопрос ко мне у мальчишек из подъезда: сколько мне довелось убить? Дурачки... Хотя мне ли их судить? Сам был таким же и ничуть не лучше.

А убил я ещё тогда, пятнадцать лет назад, очень многих.

К своему тридцать первому году я убил больше тысячи человек. Только по официальным сводкам. А сколько осталось за мной ещё безымянных и неучтённых тел... лишь одному богу известно.

Мальчишки гордо улыбаются, слыша эту жуткую цифру... Тысяча. А вот мне уже тогда хотелось горько и тихо плакать. Я загубил столько человек... И ради чего?

Тысяча убитых — это безумно много. Слишком. Слишком, дьявол их побери, дохрена.

Кто-то служит в армии всю жизнь и не забирает ни одной чужой жизни. Или хотя бы делает это не своими руками.

Кто-то может расстрелять десятки обойм, да хоть даже сотни, но попасть и... убить... лишь пару раз. Или и вовсе ни разу.

Даже десяток смертей на руках — уже суровая ноша. Твоя жизнь, твой жизненный путь стоили десятка чужих...

А мой, пятнадцать лет назад, уже стоил тысячи оборванных судеб.

Несмешная шутка. Да и шутка ли?

Вот так...

Я хотел тогда умереть. Получить пулю в лоб. Тихо откинуться и обмякнуть. Но наложить на самого себя руки не мог...

Почему? Да чёрт его знает...

Но я всё равно хотел уйти. И мне, как я тогда думал, представлялась для этого чудесная возможность.

В тот серый вечер моего тридцать первого дня рождения мне прислали приглашение на добровольное участие в экспериментальном испытании особых препаратов, способных даровать человеку «особые возможности».

Магия, да? Не иначе.

О шансах сразу всё было понятно. Это были тестовые испытания, самые первые, необкатанные... смертельные. Выжить в них можно было только благодаря немыслимой удаче. Правительство явно набирало смертников-добровольцев.

Так я тогда думал. Потому и согласился...

Идиот.

Мне удалось пройти все собеседования и попасть в сотню участников этой программы. Там все были как я: никому не нужные, одинокие, пустые... Со стеклянными глазами.

Всем было понятно, зачем мы туда пришли. И все были на это согласны.

Мы были самой первой партией. И каждому из нас вкололи экспериментальную сыворотку.

Да уж... Государство-матушка тогда не поскупилось на нас... За нами следили аки за агнцами Божьими, каждого чуть ли не на руках медики и учёные носили.

И было за что.

Каждый тогда стал в чём-то сверхчеловеком. Или, попросту, чудовищем.

Что нам дали те препараты? Всем по-разному.

Кто-то получил возможность создавать силой мысли странные жёлтые барьеры вокруг своего тела. Кто-то мог управлять огнём с помощью одних лишь мыслей, кто-то — отращивать новые конечности и управлять своей плотью...

Мне же досталась регенерация, возросшая, как говорили медики, всего процентов на пять-шесть от нормы.

Наверное, потому я и выжил.

ЛЮДИ НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНЫ, БЛЯТЬ, ДЛЯ ТАКИХ СИЛ.

НЕ ДАНО НАМ, СУКА, ОТ ПРИРОДЫ ПОВЕЛЕВАТЬ

СТИХИЯМИ — ТАК НЕХУЙ И ПЫТАТЬСЯ ЭТО ДЕЛАТЬ!

А мы же самые умные... Попытались...

Из ста человек сошли с ума и были ликвидированы девятью девятью.

Я выжил.

Один из сотни.

Естественный отбор в действии... если ЭТО можно так назвать.

Но правительство было довольное и таким исходом. Все и так с самого начала знали, что мы — ходячие трупы. И пугающая выборка никого не волновала.

За первым набором пошёл второй. Вторая сотня самоубийц. И я снова был в их рядах — сам вызвался.

Мне очень хотелось умереть.

И снова я получил от препарата всего чуть-чуть и выжил. Кажется, то была мутация, связанная с кожным покровом... Честно говоря, мне уже тяжело вспомнить каждый из этих кругов ада в отдельности. Намертво въелся в память только тот, самый первый.

Первые два набора я был случайностью. Забавной погрешностью.

Следующие три — главным подопечным.

Следующие десять — главным подопытным...

Следующие двадцать — тем, на кого возлагали самые большие надежды.

И каждый раз статистика была одна и та же: в сознании оставался один человек из ста. Я.

Я был в отчаянии.

Костлявая упорно не хотела приходить ко мне... А мой до невозможности крепкий рассудок не желал ломаться.

Каждый раз я сливался с сотней мужиков, парней и женщин в белых больничных робах, колол себе препарат, а после с завистью смотрел, как все вокруг меня за пару недель сходят с ума и получают пулю в голову. А кого не берёт пуля — того берёт газ. Кого не берёт газ... возьмёт огонь. Кого не убьёт и это... ну что же? Хорошая взрывчатка редко подводит сапёра.

Но были и те, кого не брал даже расстрел из танков. В среднем таких находилось один-два человека на пять-семь групп по сто человек. Медики ставили в личные дела таких избранных пометку «условно-бессмертный», а после счастливых заживо закатывали в бетонные блоки и отправляли в специальную камеру у ядерного реактора, дабы чудовищная радиация доделала то, что не удалось человеку.

Словами не передать, как мне стало страшно, когда я случайно узнал от одного из докторов о существовании у них штампа «условно-бессмертный»...

Мне хотелось сдохнуть, а не стать неубиваемым куском мяса... А если я ещё и не сойду с ума? Если безумие снова обойдёт меня стороной?

Я хотел умереть, а не обрести бессмертие...

Да, уже тогда, после более чем тридцати инъекций, убить меня было не то чтобы просто: пусть каждый раз мутации были небольшими, однако их накопление привело к тому, что любые пулевые ранения зарастали на мне в течение секунды. Но газ и огонь всё ещё могли сделать своё чёрное дело.

Так что, думаю, не было ничего удивительного в том, что на тридцать шестой раз я от страха решил притвориться безумным, благо примеров для подражания мной было увидено более чем достаточно...

Как можно понять, моя попытка провалилась.

К работе со мной уже давно не допускали малопытных специалистов — неопытных же во всём государственном комплексе было не сыскать. Да и мой психологический портрет обновлялся учёными каждый день...

Мою игру быстро раскрыли. Причину обнаружили. Того доктора устранили за «непредумышленное раскрытие подопытному информации, угрожающей его ментальному здоровью».

Притворяться было бесполезно — меня слишком хорошо знали. И узнавали всё лучше с каждым днём, с каждым часом.

Доктора, учёные и сотрудники спецслужб при поддержке высокоразвитого ИИ знали меня лучше родной матери и могли предугадать каждый мой шаг, даже самый безумный.

Надежда была только одна: принятие следующего пре-

парата наконец-то ломает мой рассудок... Я молился об этом...

Но время шло, а желанное безумие не приходило. Страх стать бессмертным всё рос. Вскоре до меня дошло, что стать таким я могу не только из-за одной мутации. Накопление многих также могло к этому привести...

Тогда-то я и начал едва ли не каждый раз пытаться симулировать сумасшествие, пусть надежды и было мало. Но обмануть никого мне не удавалось.

Когда подошёл рубеж в сотое применение препарата, прозвучал первый тревожный звоночек: огнестрельное и холодное оружие стали абсолютно бесполезными против меня.

Чудовищная регенерация, больше не имеющая ничего общего с человеческой. Возможность регенерировать абсолютно любые физические повреждения и даже отращивать потерянные органы. Естественный вывод из тела любых чужеродных объектов, которые моя плоть буквально выдавливала из себя. А также появление у меня мелкаячеистого золотого пси-щита, способного укрыть меня даже от непрекращающегося в течение недели артобстрела. Почему недели? ***ДА ПОТОМУ ЧТО ДАЛЬНЕЙШИЕ ИСПЫТАНИЯ БЫЛИ ПРИЗНАНЫ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНЫМИ!!!***

Даже учёные поняли и приняли, что против меня бесполезно обычное оружие...

Моя надежда оставалась только на химические и биологические отравы. И радиацию с извращениями вроде ульт-

тразвука определённой частоты, способного разрушить мою плоть на молекулярном уровне.

С тех пор меня перестали держать в стандартном медицинском блоке. Каждый раз после приёма новой дозы препарата я оказывался жёстко зафиксированным на специальном столе с аппаратурой быстрого введения сотен видов смертельных инъекций в моё тело — я стал слишком опасен для персонала. Уже тогда я обладал чудовищной для человека силой и мог голыми руками ломать железобетонные перекрытия. Я сам был оружием.

Медленно и неотвратно приближался рубеж в двести инъекций и пятый год моего заключения в научном комплексе.

На основе моего генома учёными было выведено особое лекарство, способное пусть не предотвратить, но значительно замедлить деградацию разума у других подопытных, позволяя им прожить целый месяц в сознании... Я же обрёл улучшенный пси-щит, отныне способный не только выдерживать, но и поглотить ударную волну любой мощности, не позволяя ей снести меня с места.

Рубеж в три сотни инъекций. Пси-щит обрёл способность к адаптации и приспособился к условиям экспериментальной агрессивной среды, получив способность к фильтрации воздуха и генерации кислорода, а после — азота с другими необходимыми для дыхания примесями. Газ и другие летучие отравляющие вещества больше не воздействовали на ме-

ня и не могли причинить вреда даже при прямом введении внутрь организма — пси-щит обволакивал лёгкие, внутренние органы, подобно тонкой плёнке, и самостоятельно брал на себя обязанности по их насыщению, изолируя от отравляющих веществ. Я сам обрёл пси-способности в виде телекинеза и мог поднимать грузы весом до полутора тонн одной лишь силой мысли. Физически моё тело стало ещё сильнее.

Четвёртая сотня инъекций. Десять лет моего пребывания в комплексе. Я получаю пометку «Условно-бессмертен» в личном деле. Моя регенерация больше не поддаётся никакой логике, и я могу восстановиться даже при потере 90% тела, что было проверено с помощью другого мага — так отныне называют тех, кто получил сверхъестественные способности от препарата и не сошёл с ума в течение недели. Лекарства на основе моего генома отныне позволяют останавливать деградацию разума других подопытных на год. Надежды на смерть всё меньше... Я больше ничего не хочу.

Пятая сотня инъекций. Я — первое существо в мире, получившее признание учёным сообществом как «абсолютно бессмертное». Мой разум стал крайне стабильным. Тело не только перестало стареть, но и начало процесс омоложения до своего пикового состояния... Я обрёл способности к исцелению других людей, мой пси-щит может накрывать собой двухэтажные дома, мои кровь и плоть наполнены столь большим числом витаминов и минералов, что одного кубического сантиметра достаточно, чтобы почва на одном гектаре ста-

ла плодороднее в три раза. Тогда я впервые начал задаваться вопросом: ЧТО Я ТАКОЕ?!

На основе моего генома и крови была разработана новая версия препарата. Отныне в каждой группе из ста человек выживает около десяти, в среднем пять из которых сходят с ума в течение года, а остальные пять остаются стабильными и могут спокойно жить.

Отныне государство напрямую подчиняет наш исследовательский корпус себе, устраняя сторонних инвесторов, и переводит нас под крыло армии... Тогда-то и началась новая глава в ведении войн. На поля битв вышли первые маги.

Я — то чудовище, из-за которого пролились океаны крови... Наверное, также себя чувствовал изобретатель атомной бомбы.

Шестая. Сотня. Инъекций. Мои способности в псионике теперь ограничены только моей фантазией, разумом, точностью контроля и знаниями в физике и химии. Чем сложнее и масштабнее моё воздействие — тем больше нагрузка на разум. Чем лучше и точнее я представляю, что хочу сделать — тем лучше результат. Тогда же мне впервые начали преподавать основы физики, а после — посвящать в принципы работы ядерной реакции... Я не хотел думать о том, зачем они это делают.

Мой пси-щит вышел на новый уровень. Отныне он мог быть моей полноценной системой жизнеобеспечения, извлекая из окружающей среды абсолютно все вещества, необхо-

димые мне для жизни. Вследствие экспериментов он адаптировался к альфа- и бета-волнам... Мне было жутко осознавать, чем я становился, и ещё хуже — от понимания того, что, кажется, меня уже невозможно убить. Моё тело по внешнему виду вернулось к своему двадцатилетнему состоянию, однако по желанию я мог менять его как угодно — контроль над собственной плотью также был мне подвластен.

На седьмой сотне и пятнадцатом году моего заключения пришла жуткая весть — на территорию России вторглась объединённая армия Союза европейских государств и оттеснила наши войска к окрестностям столицы, вынудив наше руководство начать активно использовать магов в боевых столкновениях.

Первые дни всё шло хорошо. Ситуация на изрядно просевшем фронте стабилизировалась и даже, казалось бы, начала налаживаться, но... как всегда, всё пошло **ПО ГРЁБНОЙ БЛЯТЬ ПИЗДЕ!**

Хер знает из какой жопы, но европейские военные вытащили собственных магов. Нестабильных. Живущих по паре недель. **НО МАГОВ.**

Как позже выяснила контрразведка, некоторые учёные комплекса активно продавали на сторону результаты наших исследований и, в том числе, разработки, основанные на моём геноме. Для всей страны это стало очень болезненным уроком...

Маги могли нарушать законы физики, их силы были за-

частую непонятными, необъяснимыми и ужасающими. И, что самое страшное, никто ещё не придумал универсального способа по их ликвидации. Видов «магии» было слишком много, и далеко не каждого мага можно было убить обычным способом... А вот магам, чтобы убить обычных солдат, ничего нового придумывать не нужно было.

Фронт снова прогнулся. Ситуация вновь стала критической.

Да, у военных верхов было преимущество — благодаря мне, а точнее моей крови и кускам плоти, наша страна единственная в мире обладала стабильными магами, что не сходило с ума. Но таких были единицы, да и... что толку от них? Сверхлюди противника пусть и жили всего неделю, а в редких случаях и все две, но обладали способностями точно такой же силы.

Москву буквально топили полубезумным, но оттого не менее сильным и непредсказуемым мясом, противопоставить которому в короткие сроки было нечего... Точнее, так думали.

Когда препарат только был изобретён, его широко освещали в медиапространстве, набирая добровольцев. А потом, когда появились первые «образцы» на основе моих генов, проект закрыли под грифом «совершенно секретно». Вот только были те, кто даже пятнадцать лет спустя не забыл, с чего всё начиналось.

Когда обычные гражданские начали всё чаще становить-

ся свидетелями жутких и отвратительных «подвигов» наших и вражеских магов, устрашившееся общество вспомнило о «первом человеке, получившем сверхсилы». Волна, подхваченная энтузиастами и подогреваемая паническим страхом внезапной смерти, всколыхнулась. А ушлые журналисты и интернет-блогеры начали рыть носом землю в поисках информации о «волшебном препарате» и том, с чьей помощью он начал работать.

Тут же, буквально спустя пару недель разборок и дебатов в цивилизных студиях, а также десяток появившихся ТВ-шоу с «экспертами» в области изучения магов, ушлые балаболы зацепились за одну строку в обнародованных под давлением общества отчётах...

ВЕЗДЕ. Под каждой фотографией очередного героя-мага вооружённых сил РФ значилась крохотная одинокая подпись: **«прошёл один курс применения препарата Х».**

Сложить два и два мог каждый. Мгновенно из каждого утюга посыпались вопросы о том, почему только один курс? А как же первый маг? В старых статьях ведь чёрным по белому было написано, что он стабильно переносит ПРИМЕНЕНИЯ препарата Х...

Геймеры, переигравшие в видеоигры и, разумеется, забывшие подумать о том, чего выжившим счастливицам стоит даже один пройденный курс инъекций, сразу закричали, что магам нужно больше способностей и, следовательно, необходимо создавать «двухвакцинных» магов!

Да, вот как назвали вещество, унёсшее десятки и сотни тысяч жизней: вакцина...

Я же сидел и читал информационные сводки в своём телефоне, сжимая кулаки от бессильной злобы. Перед моими глазами мелькали тысячи опустошённых лиц со стеклянными глазами, столько же имён и прозвищ, столько же интонаций и голосов.

Как же я себя ненавидел.

Разве не было способа просто молча сдохнуть?

А что теперь? Сколько люди будут убиты благодаря мне? А сколько психов будут благодарить меня за свои силы?

Чувство вины всё сильнее разрасталось в мне... Всё глубже пускало свои уродливые корни в мою душу.

Я ВИНОВЕН.

Спустя пару часов правительство само осаждало разошедшихся полемиков, и была спешно организована конференция, целью которой стало введение народа в нынешнюю ситуацию с магами.

Тогда я ждал этого выступления президента, затаив дыхание...

И вот ОН встал за трибуну.

Я не первый раз видел его — статного мужчину в годах. Вечно усталого. Всегда серьёзного.

Президент стоял за трибуной, его лицо было маской выверенной, государственной скорби и в то же время полной уверенности человека, за которым хочется идти. Он говорил

ровно, весомо, внимательно подбирая слова.

— Граждане, соотечественники. Мы столкнулись с беспрецедентной угрозой. Враг использует так называемых «магов» — существ, чьи способности бросают вызов законам природы. Но хочу вас заверить: наши вооружённые силы дадут достойный ответ. У нас есть свои защитники, прошедшие особую подготовку и стабилизационный курс, благодаря чему их психика устойчива и не разрушается, как сознание вражеских магов.

Прямо сейчас президент, этот мужчина в годах, походил на высеченный из мрамора идеал стойкости и выдержки.

— В эти трудные для всех нас времена, когда враг уже стоит у нашего порога, всем нам необходимо сплотиться и...

Он говорил плавно, уверенно, красиво... Ложь лилась плавно и убедительно. Даже не так. Он не лгал, он просто не договаривал. Не говорил о сотнях тысяч, сошедших с ума в бесчисленных экспериментах. О безымянных могилах «неудачников». О бетонных блоках с «условно-бессмертными».

Тут поднялся молодой репортёр из оппозиционного издания, его голос был резким и противно-скрипучим... словно бы кто-то скрёб ножом по стеклу.

— Иван Сергеевич, все эти красивые слова о «стабилизированной вакцине» и «добровольцах-героях» не отменяют одного простого факта. Наши войска отступают. Города горят. Люди гибнут. И в этот критический час все помнят

о первом маге. Архивные документы, обнародованные правительством, недвусмысленно указывают, что он прошёл не один, а множество курсов «препарата Х» и сохранил рассудок. Где он? Почему величайшее оружие России, единственный обладатель множества сверхъестественных способностей, отсиживается где-то в безопасности, пока обычные парни всего с одной «вакциной» платят своими жизнями за каждую пядь земли? Его жизнь действительно дороже жизней тысяч наших граждан? Неужели смерти стольких гражданских и военных не стоят того, чтобы он вышел на поле боя и показал весь потенциал магов?

В зале повисла гробовая тишина, густая и звенящая. Все взгляды устремились на президента. Однако, вопреки ожиданиям, он не смутился и не стал перебивать. Вместо этого он наклонился к микрофону и... замолчал, неспешно поправляя аппаратуру. Его взгляд стал тяжёлым, направленным куда-то внутрь себя, будто он за долю секунды перебирал в уме все возможные последствия своих следующих слов. Две, три секунды этой давящей тишины показались многим вечностью. Камеры внимательно ловили каждую морщинку на его лице.

И вот он медленно поднял голову. Его глаза, обычно усталые, теперь смотрели жёстко и прямо, почти вызывающе. В них не было и тени смущения, только холодная уверенность и стальная воля.

Вот за это я всегда его и уважал... — расслабленно упе-

ревшись спиной в бетонную стену, я осел на пол, следя за эфиром.

— Вы закончили?

Голос президента прозвучал негромко, но так, что его слышал бы каждый человек в зале даже без микрофона. Репортёр, не ожидавший подобной реакции, судорожно кивнул.

— Хорошо. Вы упомянули «простые факты». Позвольте тогда и мне оперировать фактами, а не заниматься демагогией. Итак, факт первый: первый маг — это не просто солдат с ружьём, которого можно отправить в окоп. Он — стратегический актив государства, ценность которого несопоставима ни с одним взводом. Факт второй: его психологическая стабильность — это не данность, а хрупкое равновесие, за которым ежесекундно следят лучшие умы нашей страны. Отправлять его на фронт, навстречу десяткам нестабильных магов противника, чьи способности могут иметь непредсказуемое влияние на его сознание — это не героизм. Это — государственная измена. Глупость, граничащая с предательством. Вы ведь не собираетесь обесценивать пятнадцать лет невероятно дорогих исследований, деньги на которые поступили в том числе от добросовестных налогоплательщиков, а также труды сотен святых науки нашей великой родины?

Он сделал паузу, дав этим словам повиснуть в воздухе. Его тон был не оправдательным, а обвинительным. Он сам перешёл в атаку. И репортёр, попавший в словесную ловуш-

ку с одним-единственным правильным ответом, разумеется, согласился со словами президента...

Я же в очередной раз восхитился ловкостью и сообразительностью первого лица своей родины... Меня брала аж странная гордость за этого мужчину... Тем временем президент продолжил свою речь.

— Вы требуете показать вам волшебную палочку, которая мгновенно решит все проблемы. Однако жизнь — это не детская сказка, и каждая победа в ней достигается совместным трудом тысяч человек. И пока вы играете в патриотизм, требуя бессмысленных жертв, наше правительство усердно работает над тем, чтобы эту войну выиграть, а не проиграть, используя «первого мага» в неподходящий момент. У нас есть план его применения. И этот план не включает в себя бездумное применение в боевых задачах. На этом вопрос закрыт.

Он отступил от микрофона, всем своим видом показывая, что дискуссия окончена. Зал замер. Провокация была парирована не уклонением, а сокрушительным контрударом. Он не стал скрывать, что я существую, но возвёл вокруг меня стену из государственной целесообразности, сквозь которую не могла пробиться никакая истерика. А любая попытка настаивать была бы использована против самих инициаторов, выставляя их в глазах народа некомпетентными или, того хуже, врагами, продавшимися европейцам... Он сделал моё неучастие не слабостью, а частью высшей стратегии. Это

была блестящая ложь, прикрытая железной логикой. И она сработала. Народ успокоился, вновь почувствовав, что у правительства всё под контролем.

Я выключил телевизор. В тишине бетонной коробки гулко отозвалось эхо последних слов: «...*У нас есть план его применения*».

Вот и твой пришёл черёд, «стратегический актив»... — мысленно усмехнулся я. Гордость за ловкость президента сменилась привычной, въедливой горечью. Он ведь даже не солгал. Он действительно нашёл для меня применение. Не самое почётное, но единственно верное с точки зрения государственной машины.

Спустя пару часов дверь в мои апартаменты открылась без стука. Вошли двое: генерал, от которого так и пахло уверенностью и прагматизмом, и улыбочивый чиновник, чьё лицо напоминало застывшую маску одобрения.

— Вы видели обращение? Общественный запрос удовлетворён. Теперь требуется действие, — вошедший генерал неловко откашлялся сразу после своей фразы. — Ситуация под Москвой критическая. Скоро армия объединённых государств пойдёт на прорыв, и сдержать её на данный момент нечем. Нам нужно остановить его. И сделать это ДЕМОНСТРАТИВНО. Показать им... И «нашим»... что нам есть чем ответить на любые угрозы. Вы нужны нашей родине.

Он протянул планшет с картой. Я взял его. Пальцы медленно скользнули по холодному стеклу, но не дрогнули. Я

смотрел на тактические значки, горящие красным, а видел другое. Ту самую однушку на окраине. Праздничный торт. Глаза новобранцев в белых робах. Кухонный нож, так приветливо блестящий заточенным лезвием...

Что я мог тут сказать? Я устал... *чёртовски блять устал...*

Мысль пришла не яростной, а обречённой, как последний вздох. Пятнадцать лет я шёл по этому кругу. От пули к инъекции, от инъекции к бетонному блоку. А теперь — обратно, к пуле. Или к чему-то похуже.

А ведь... там меня ещё могут убить.

В этой фразе не было страха. Была лишь бледная, уродливая надежда, похожая на ядовитый гриб, проросший в руинах. Последний призрачный шанс.

Да и дело хорошее хоть сделаю перед смертью. Пусть у меня и нет близких, но... другим-то их терять зачем?

Я как никогда ясно увидел перед глазами тех мальчишек из подъезда. Но не их восторженные лица, а их возможные будущие похороны. Из-за какой-нибудь шальной психовспышки, порождённой подобным мне...

Чего уж тут? Помогу соотечественникам напоследок, а после уйду на покой от чьей-нибудь способности. А чем не финал? Вполне себе хорошее завершение моей и так затянувшейся истории.

Я поднял глаза на генерала. Взгляд был пустым, выгоревшим, остекленевшим. В нём не было ни патриотического жа-

ра, ни гнева, ни даже отчаяния. Лишь бездонная, копившаяся десятилетиями усталость и тихое, почти постыдное ожидание конца.

— Хорошо.

Я произнёс это слово тихо, но так чётко, что даже чиновник перестал улыбаться. Видимо, годы добровольного заключения сказались на мне сильнее, чем я сам мог предполагать.

— Я выйду.

Это было не героическое согласие. Это была капитуляция. Капитуляция перед системой, перед долгом, который я на себя взвалил, сам того не желая, и перед последней, отравленной надеждой.

Генерал кивнул, удовлетворённо. Чиновник снова расплылся в улыбке, но в его глазах мелькнуло облегчение. Они увидели то, что хотели: согласие солдата. Они не увидели в моих глазах единственную мысль, что придавала мне сил поднять своё бессмертное тело и пойти навстречу войне:

Сделаю своё последнее дело. И, может быть, на этот раз... На этот раз мне повезёт, и какой-нибудь европейский уродец, не ведая того, станет моим избавителем. Смертельным выстрелом, которого я жду вот уже сорок шесть лет.

Глава 2

Меня вывели из моих «апартаментов». Не то чтобы я оказывал сопротивление.

Дверь открылась не в привычный стерильный коридор лабораторного крыла, а в длинный, слабо освещённый туннель с серыми бетонными стенами, по которым тянулись толстые пучки кабелей и трубопроводов. Это были артерии комплекса, его внутренности, скрытые от посторонних глаз. По ним меня, вероятно, и должны были провести к месту назначения, минуя лишние глаза.

Конвой состоял из шести человек. Двое впереди, двое сзади, двое по бокам. Все в полной боевой экипировке, шлемы с затемнёнными визорами опущены, не давая рассмотреть лиц и направления взглядов. Стволы автоматов направлены в пол, пальцы лежат на спусковых скобках.

Напряжённые, как струны. Я буквально кожей чувствовал страх и настороженность, исходящие от их закрытых в броню фигур. Для них я был не человеком, а природным катаклизмом на двух ногах, который вот-вот может сорваться с цепи. В любой момент.

Разумеется, каждый здесь понимал: захоти я вырваться — меня не остановили бы ни только что разработанные автоматы с особыми обоймами, ни бетонные стены, ни наверняка заложенные где-то по пути пиротехнические заряды.

Напрасно нервничаете, ребята, — лениво подумал я. — Сегодня я вроде на вашей стороне. И даже без винтовки...

Даже спустя пятнадцать лет мысль о том, что моё тело стало самым надёжным оружием, оставалась непривычной... Глупой.

Следом за нами шли двое «цивильных» — главный психолог комплекса, сухопарый мужчина с лицом, изрезанным морщинами, и его молодая помощница, не отрывавшая от меня взгляда, наполненного смесью ужаса и научного любопытства. В руках она сжимала планшет, куда, я не сомневался, заносилось каждое моё движение, каждый вздох.

Эти люди мне были уже почти что родные. Столько лет вместе. Сколько чужих смертей мы уже пережили? Только вот... я в такие моменты был прикован к операционному столу, а они стояли за десятью сантиметрами бронированного стекла. Теперь же мы все вместе были по «ту» сторону. Эта мысль показалась мне до удивительного смешной, и я невольно хмыкнул, отчего бойцы вокруг отскочили к стенам и тут же вскинули дула.

— Показатели в норме, — тихо, но чётко произнесла Саша, будто докладывая о состоянии редкого экспериментального животного. Да, помощницу звали именно так, по-простому — Сашей. — Пси-активность на фоновом уровне. Эмоциональный фон... стабильно-подавленный. Продолжаем движение.

«Стабильно-подавленный», — мысленно усмехнулся я.

Какой изящный эвфемизм для желания размазать самого себя по стенке.

Мы шли медленно. Никуда не спеша. Шаг. Ещё шаг. Ещё десяток шагов... Бетонный пол под ногами, прохладный воздух, пропахший озоном, металлом, лекарствами. И тишина, нарушаемая лишь мерным шагом солдат и тихим жужжанием экзоскелетов.

Вот мы миновали развилку. Направо уходил знакомый коридор, ведущий в медицинский блок. Где-то там когда-то начинался мой ад. Там, за этими дверями, пятнадцать лет назад мне вкололи первую сыворотку. Я на мгновение замедлил шаг, погрузившись в воспоминания.

Память, коварная сука, услужливо подкинула картинку. Не отчётливый образ, а скорее какофонию из ощущений: запах спирта и пота, яркий свет операционных ламп, десятки таких же потерянных глаз в белых робах и всепоглощающий, животный страх перед неизвестным, смешанный с надеждой. Тихой надеждой на конец...

И где они теперь? — промелькнуло в голове. — *Все те первые девяносто девять ребят. Получили уже свой покой, а я пока барахтаюсь...*

Психолог нервно кашлянул.

— Первый? Всё в порядке?

Я лишь кивнул, не удостоив его взглядом. Какое им дело до моих «воспоминаний»? Для них это — всего лишь архивные данные, помеченные грифом «Совершенно секретно».

Не больше...

Мы молча пошли дальше. Мимо залов с гудящим оборудованием, мимо лифтов, уходящих на нижние, закрытые уровни, где, я знал, до сих пор шли эксперименты. Новые партии «добровольцев». Новые надежды и новые трупы. Маховик, раскрученный мной, уже нельзя было остановить. Человечество распробовало вкус новых возможностей и больше не остановится ни перед чем, чтобы насладиться им вдоволь.

Наконец впереди показалась массивная бронированная дверь бункера. Один из солдат что-то невнятно пробормотал в микрофон, раздался резкий щелчок, и створки с тихим шипением начали расходиться в стороны.

Первым, что ударило по мне, оказался запах...

Свежий запах весеннего леса.

После стерильного, тщательно очищенного воздуха комплекса он оглушил обоняние, даря лёгкую дезориентацию и головокружение. Пахло влажной землёй, талым снегом, выхлопом далёких машин и чем-то неуловимо живым, чего я не ощущал почти пятнадцать лет. Пахло миром. Настоящим, грязным, нелакированным, живым миром.

Я невольно замер на пороге, сделав глубокий вдох. Лёгкие, привыкшие к отфильтрованному воздуху, сопротивлялись этой свежести и влаге...

Облака в светлом небе разошлись в стороны, и солнечный свет затопил всё вокруг.

Не искусственный, мертвенно-белый свет неоновых ламп, к которому я так привык. А живой, тёплый, почти осязаемый свет солнца.

Он ударил по глазам, заставив зажмуриться. Резкая, приятная боль. Я замер у входа, впитывая забытые ощущения.

Я почувствовал свободу...

— Проблемы со зрением? — раздался голос одного из конвоиров через встроенный в шлем динамик. Безличный, лишённый эмоций, специально обработанный для сокрытия пола и возраста.

— Нет, — тихо ответил я, медленно открывая глаза. — Просто отвык.

Солдаты окружили меня плотным кольцом, но я видел, как один из них, украдкой, сбоку, то и дело посматривал вверх. На далёкое небо и солнечный диск.

И ты здесь не по своей воле, парень? — мелькнула усталая мысль. — *Мечтаешь, наверное, о доме? О девушке?*

Психологи, в свою очередь, всё так же неотрывно наблюдали за мной. Я чувствовал их взгляды, будто физические иглы, вонзающиеся в спину. Они ждали срыва, истерики, случайного проявления силы. Любой реакции, кроме той, что была.

А я просто стоял и дышал. И шурился от солнца. Плевал я на их ожидания и опасения. Впервые за долгие годы во мне не было ни отчаяния, ни страха. Лишь странное, оглушающее спокойствие и тихая, почти детская надежда.

А ведь там, на фронте... — подумал я, глядя в сторону далёкого грохота, который был слышен лишь мне. — *Там сейчас далеко не так тихо и спокойно...*

— Первый? Время, — голос психолога прозвучал сухо и напористо. Не приказ, но и не просьба. Констатация факта. Маховик государственной машины, ненадолго позволившей мне замереть, снова начинал вращаться.

Я медленно кивнул, не оборачиваясь, и сделал шаг вперёд. За ним — ещё один. Бетонный пол сменился утоптанной грунтовой дорогой. Мы были на закрытой территории, окружённой по периметру высоким забором с колючей проволокой и охранными вышками. Вдали виднелись ангары и административные здания того самого научного комплекса, что был моим домом и тюрьмой.

Именно к одному из таких невзрачных зданий нас и повели. Солдаты пошли чуть расслабленнее, но пальцы так и не оторвались от спусковых скоб. Саша что-то быстро записывала в планшет, её лицо было сосредоточено.

Войдя внутрь, я снова почувствовал знакомый запах — стерильности, моющих средств и страха. Но здесь он был другого свойства. Не отчаяния подопытных, а нервного пота чиновников и военных, ожидающих важного гостя. Нас провели по нескольким коридорам и втолкнули в просторную комнату, больше похожую на раздевалку спорткомплекса.

— Вам необходимо переодеться, — главный психолог указал на один из шкафчиков. — Форма подготовлена. У вас

пятнадцать минут.

После этих слов они вышли, оставив меня одного. Но я не сомневался — за дверью стоит усиленный караул, а в помещении работают камеры и датчики. Вот только мне было всё равно. Хотят смотреть? Пусть смотрят. Я не из стеснительных. С такими мыслями я открыл указанный шкафчик.

На вешалке висела новая, пахнувшая свежей тканью полевая форма офицера российской армии. Ни знаков различия, ни наград. Просто камуфляж. Рядом лежали берцы и прочее снаряжение. Я снял свой больничный комплект — простые штаны и рубашку — и стал облачаться в новую одежду. Ткань была грубой, непривычной телу. Последний раз я носил нечто подобное пятнадцать лет назад. Ощущение было странным, будто надеваешь на себя чужую кожу или, что скорее, костюм для роли, которую давно не играл.

Ровно через пятнадцать минут дверь открылась. На пороге стоял тот же генерал, что посещал меня в «апартаментах». Его взгляд быстро просканировал меня с ног до головы, и на лице на мгновение мелькнуло нечто, похожее на удовлетворение.

— Отлично. Пройдете за мной, нас уже ждут.

Сейчас его тон был уже совсем другим. Меньше осторожности, больше командных ноток. Теперь я был не подопытным, а солдатом. Пусть и невероятно ценным.

Мы вышли из здания с другой стороны. И вот тут меня ждало то, к чему я оказался совершенно не готов.

Ослепительная вспышка. Затем, без пауз, — ещё десяток. Треск фотокамер. Гул голосов.

Передо мной, отгороженная от площади лишь тонкой полосой ограждения и цепью военных полицейских, стояла толпа журналистов. Человек пятьдесят. Они орали, перебивая друг друга, стараясь перекричать гул вертолётов, круживших где-то в небе.

— Первый! Посмотрите сюда!

— Что вы чувствуете, отправляясь на фронт?

— Правда ли, что вы единственный, кто прошёл более одного курса препарата Х?

— Скажите хоть слово для прессы!

— Прокомментируйте слова президента!

Их глаза горели смесью азарта, страха и восторга. Они видели не человека, не солдата. Они видели легенду. Миф, воплощённый в плоти. Символ надежды, который им задёшево продало правительство.

Я замер, парализованный этой внезапной атакой. После лет тишины и изоляции этот шквал звуков и света был оглушительным. Моё сердце, привыкшее биться ровно и медленно, на мгновение заколотилось в груди с бешеной скоростью. Не от страха, а от чистой сенсорной перегрузки.

Генерал, стоявший рядом, уловил моё замешательство. Он шагнул вперёд, поднял руку, и журналисты на секунду притихли.

— Первый маг готов исполнить свой долг перед Роди-

ной!— Его голос, поставленный и громкий, легко перекрыл последние выкрики. — У него уже есть своя боевая задача. Не мешайте.

Он обернулся ко мне и тихо, так, чтобы слышали только я и ближайшие охранники, произнёс:

— Соберитесь, Первый. Улыбнитесь. Пожмите мне руку.

Он протянул ладонь. Жест был театральным, рассчитанным на камеры. Я медленно поднял руку и взял его в свою. Мои пальцы, способные смять стальной прут, сомкнулись вокруг его ладони с предельной, почти хирургической аккуратностью. Я боялся повредить хрупкие человеческие кости.

Вспышки камер снова затрещали с удвоенной силой. Этот кадр — седой, суровый генерал и молодой, с каменным лицом «Первый маг» — будет на первых полосах всех государственных газет и в топе новостных лент ещё долго. Символ единства старой гвардии и новой мощи.

Затем ко мне подошёл другой человек — тот самый улыбочивый чиновник. Его рукопожатие вышло быстрым и нервным.

— Родина вас не забудет, солдат, — он пробормотал заученную фразу и поспешил скрыться у меня за спиной.

Забавно... Интересно, чем же я успел так его напугать?

Меня подвели к микрофонам. Я стоял, глядя в слепящие линзы объективов, в лица незнакомых людей, жаждущих от меня хоть чего-то. Какого-то напутствия. Подвига уже прямо сейчас, в словах.

Но я молчал. Все слова, все мысли застряли где-то глубоко внутри, похороненные под грузом последних лет и тысяч пар глаз, которые я видел перед тем, как они помутнели и окончательно опустели. Я никогда не мог и помыслить о том, что стану национальным героем... Да и какой вообще из меня герой? Скорее грёбаный мясник.

А потому я просто стоял, смотрел на вспышки фотокамер, слушал людской гомон и молчал.

Генерал, видя мой ступор, жестом дал понять, что церемония окончена. Солдаты образовали вокруг меня живой коридор, и группа сопровождения быстрым шагом повела нас к ожидавшему бронированному внедорожнику цвета хаки. Дверь открылась, я забрался внутрь на мягкое сиденье. Вслед за мной зашли генерал и психолог. Александра осталась в комплексе... Видеть этого старика в медицинском халате без сопровождения было жутковато и непривычно.

Дверь захлопнулась. Внезапно наступила тишина, нарушаемая лишь приглушённым гулом снаружи и ровным гудением двигателя. Толща брони и тонированные стёкла отсекали нас от внешнего мира. Шоу было окончено.

Тишина салона оказалась густой, почти физической и вязкой... Как после взрыва. В ушах всё ещё звенело от воплей репортёров, а сетчатка ныла яркими пятнами вспышек. Но это был не сенсорный шок от громкости — к грохоту артиллерийских обстрелов, через которые меня годами гоняли на испытаниях, можно было привыкнуть.

Это было иное.

Пятнадцать лет меня изучали как образец — пристально, холодно, но по *протоколам*. А сейчас на меня смотрели как на икону. Голодными, жадными, безумными глазами толпы, которая уже придумала мне биографию, мотивы и, наверняка, героический конец. Их коллективный восторг был страшнее прицельного взгляда снайпера. Он разьедал последние иллюзии, что я могу быть кем-то, кроме функции. Символа. Оружия.

Я закрыл глаза, пытаюсь вернуться в привычную пустоту. Вернуть такую ненавистную, но тихую апатию... Но вместо неё возникали лица. Не репортёров. Тех первых девяносто девяти. Парней с такими же потерянными, как у меня, глазами в операционной. Мы не были друзьями — нас не подпускали друг к другу близко. Но мы были одним целым — стайей подопытных кроликов, обречённых на смерть ради чьего-то величия. И я, единственный выживший, стал тем семенем, из которого выросла эта война.

Машина плавно тронулась. Я сидел и смотрел в окно на мелькавшие деревья, на покидаемую территорию комплекса, на проносящиеся мимо патрули. Никто из сопровождающих не произнёс ни слова, пока мы не выехали на скоростное шоссе, взяв курс на запад, в сторону Москвы.

Генерал откашлялся, первым нарушая молчание.

— Ну что ж, — начал он, раскладывая на коленях складной планшет с электронной картой. — Теперь введём вас в

курс дела. Реальная ситуация на линии фронта хуже, чем мы сообщали публично.

Он включил планшет. На карте ярко-алым пятном горел огромный участок к юго-западу от Москвы. Десятки треугольников, символизирующих вражеские дивизии, впились в оборону наших войск.

— Основной удар группировки «Центр» приходится по...

Дальнейшая речь генерала слилась для меня в единый серый поток невнятного бубнежа, который я с превеликим удовольствием пропустил мимо ушей. Озвученные им названия посёлков и районов мало что мне говорили, а запоминать... просто не хотелось. Не сейчас.

Все эти названия — Кубинка, Можайск, Одинцово — были для меня просто точками на карте. Я не видел за ними городов, дорог, людей. Я видел лишь поле боя.

— Их тактика проста и эффективна, — продолжил генерал. — Они не берегут себя. Фронтальный прорыв на узком участке. Наши обычные части не могут им противостоять. Артиллерия и авиация наносят урон, но... этого недостаточно. Их магия слишком разнообразна. Один может создавать локальные землетрясения, другой — выжигать всё живое в радиусе километра плазмой, третий — просто неуязвимый кусок мяса, который идёт напролом, круша технику голыми руками.

Психолог, сидевший рядом, внимательно следил за моей реакцией. Я же не подавал никаких признаков. Я просто слу-

шал, равнодушно впитывая интересную мне информацию.

— Ваша задача, — голос генерала стал жёстче, — не отбросить их. Ваша задача — уничтожить. Всю эту группировку. Демонстративно. Чтобы это увидели все. Чтобы у них опустились руки. За вашими действиями будет вестись видеосъёмка с квадрокоптеров — постарайтесь не задевать их своей силой.

Он перевёл дух и посмотрел на меня прямо.

— Вы — наш ответ. Вы — доказательство того, что их полусумасшедшие подражатели — всего лишь подобие настоящей силы. А вы — постоянная, стабильная и непоколебимая мощь. Вы должны показать им разницу. От этого напрямую зависит спокойствие гражданского населения.

Генерал, вот же чёртов ублюдок... Интересно, это психологи подсказали командованию мои больные точки и ещё не до конца атрофированную жажду справедливости? Хотя сам ведь знаю ответ. Точно подсказали. Дилетанты на таких постах редки, а в политике любые средства хороши.

Машина мчалась дальше по шоссе, обгоняя колонны военной техники, двигавшиеся в том же направлении. Я смотрел в окно на встречные грузовики с беженцами, на испуганные лица людей в салонах автомобилей. Они видели наш бронированный кортеж и, наверное, думали, что это какой-то важный генерал. Они и не подозревали, что здесь везут даже не человека, а оружие.

— Каковы ограничения? — наконец спросил я. Мой голос

прозвучал тихо и хрипло после долгого молчания.

Генерал на мгновение смутился.

— Ограничения?

— На применение моих способностей, — уточнил я. — Есть ли запретные цели помимо дронов? Нужно ли беречь инфраструктуру? И... гражданских?

Генерал и психолог переглянулись. Казалось, они не ожидали такого вопроса.

— Первый, — мягко начал генерал, тщательно выбирая слова. — В приоритете — ликвидация угрозы. Вы должны остановить прорыв любой ценой. Остальное... второстепенно.

— Понятно, — я тихо кивнул.

«Любой ценой». Это означало — всё, полный и законченный кабздец. Это означало, что я могу не сдерживаться. Что могу стать хоть тем самым чудовищем, которым меня и считали. Судя по всему, объединённая армия Европы заставила чинуш и генералов неслабо напрячься, раз мне фактически выдали полный карт-бланш на уничтожение всего вокруг.

Я отвернулся к окну. Вдали, на горизонте, уже было видно зарево. Не от заката. От горящих пригородов.

Глава 3

Броневи́к резко затормозил. Нас по инерции дёрнуло вперёд, а после натянувшиеся ремни вдавили тела в ткань кресел. Спустя миг корпус машины с глухим лязгом встал как вкопанный. Двигатель, проработавший несколько часов в напряжённом рычании, наконец заглох, и в наступившей тишине оглушительно зазвучали другие шумы. Приглушённый, но непрекращающийся грохот далёкой артиллерии. Треск стрелкового оружия. Навязчивый гул беспилотников где-то высоко в небе.

Воздух, которым я вдохнул, едва выйдя из машины, был густым и тяжёлым. Он был пропитан гарью, пылью, едкой химией от разрывов снарядов и сладковато-приторным, тошнотворным запахом гнили. После стерильной чистоты комплекса и свежего воздуха у его ворот это было похоже на удар по лицу грязной тряпкой.

Меня быстро провели в низкое, полузаглублённое бетонное здание, над которым кое-как был наброшен маскировочный брезент. Внутри царил привычный хаос полевого штаба: гул голосов, треск раций, мерцание экранов на столах, заваленных электронными картами. Воздух был плотным от запаха пота, металла и крепкого табака.

Генерал, мой неизменный спутник, сразу же взял инициативу, выступив вперёд. Он чётко и резко выкрикнул пару

рубленных команд, а после его увели в сторону большой тактической панели, где несколько офицеров с измождёнными лицами что-то устало обсуждали. Ко мне же подошёл полковник, чей китель был перепачкан грязью и бурными разводами, а взгляд был острым и уставшим одновременно — без тени подобострастия или страха, которые я так часто видел в комплексе.

— Первый, — он кивнул мне, как равному, и ткнул пальцем в карту. — Слушайте внимательно.

— Ситуация — полное дерьмо. Противник вот здесь, — его палец упёрся в участок, испещрённый красными отметками, — вклинился в нашу оборону на семь километров по фронту. Давит массой. Их обычные части идут сразу за мамами. Ваша цель — эпицентр. Вот этот участок.

Я смотрел на условные знаки, но видел не их. Я видел лишь картины крови, боли, разрухи... Предсмертных захлебывающихся хрипов, которые когда-то прозвучали из-за меня. И теперь мне предстояло пополнить эту галерею собственной памяти.

— Задачу повторяю, — голос полковника был жёстким, безэмоциональным, не терпящим возражений. — Полное и демонстративное уничтожение вражеской группировки на данном участке. Никаких ограничений по применению способностей. Пресеките прорыв. Любой, лять, ценой.

«Любой ценой» — эта фраза уже словно преследовала меня, как назойливая мошкара. Слова генерала в маши-

не, слова полковника... Это означало, что на пути к магам, этим ублюдочным порождениям научного прогресса, придётся пройти через сотни обычных солдат. Парней, которые так же не хотели оказаться здесь, как и я когда-то. Которых призывали, мобилизовали или они сами пошли, поверив в какую-то свою правду. У них есть лица, имена, семьи. Для меня убить человека было до жуткого легко, даже привычно, но... Предательский червячок человеколюбия и морали упорно грыз меня изнутри. Да, эти люди были врагами. Они пришли убивать, но... Мне было их жалко. Убивать их, простых людей, своими руками... Это было уже тяжело назвать работой. Это... тупая бойня. Несправедливая. Грязная.

У многих парней и мужиков по ту сторону баррикад есть свои истории, семьи, друзья... Может быть, даже дети... Я ведь не слепой. Вижу, что с обеих стороны люди. Простые люди...

Каждый солдат в серой форме НАТО, каждый наш боец, каждый испуганный гражданский в колонне беженцев — всё это были звенья одной цепи, которую я когда-то, сам того не желая, привёл в движение. Как я могу их ненавидеть? Мы все в этой мясорубке — жертвы одного и того же чудовищного эксперимента под названием *«прогресс»*. Они — лишь следующее поколение пушечного мяса, сменившее нас у конвейера...

Плевать. Нахрена только голову ломаю пустыми размышлениями? Цель какая? Угандошить магов. Правильно.

Остальное будет уже на совести простых солдат и на условиях привычной всем войны. Тошнит меня уже от лишних смертей. Наших парней прикрою как смогу. Магов врагов сотру в порошок. Остальное — не моё дело.

Я взгляделся в лицо полковника и особенно в его глаза. В этих серых «зеркалах» отражался не человек. Даже не солдат. Только оружие. Повторное осознание этой истины заставило меня устало вздохнуть.

— Задачу принял. Способ моей доставки на передовую?

— До передовой — на БТРе. Организуем вам безопасный коридор. Дальше — пешком, по ходам сообщения — там фронт уже слишком близко и прикрывать вас мы не сможем. Тебя проводят по окопам до позиций роты лейтенанта Маркова. Это самый выдвинутый вперёд опорный пункт. Оттуда и начнёшь... работать. Сопровождать тебя будет рядовой Петрыкин.

Внезапно полковник наклонился поближе ко мне и тихо, но оттого не менее веско пробормотал:

— Постарайся не угробить бойца, Первый. Он парень хороший — от души мальчика отрываю. Удачи.

В ответ на такое откровение мне оставалось только молчаливо кивнуть. А что тут было говорить? Солдат есть солдат. Пусть выполняет свою работу, а я и так подсоблю, если что.

Полковник, увидев мою реакцию, мрачно усмехнулся и снова уткнулся в карту.

Ко мне подошёл молодой пацан, лицо которого было пе-

репачкано сажей.

— Пойдёмте, вас проводят к технике.

Мы вышли из здания с другой стороны. Здесь воздух был ещё более едким от выхлопных газов множества машин. Где-то недалеко внезапно рванул залётный артиллерийский снаряд, с грохотом разбросав комья ещё промёрзлой земли. Рядовой даже не вздрогнул, привычно сторбив плечи.

И вот я снова сидел в трясущемся, грохочущем БТРе. Внутри пахло соляжкой, крепким мужским потом и металлом. Со мной ехали пятеро молодых солдат. Они смотрели на меня с лёгким любопытством, но, судя по всему помня какие-то инструкции, упорно молчали. Их лица были уставшими, сосредоточенными. Парни. Ещё совсем мальчишки. Таким и я был когда-то, лет двадцать тому назад. Почти таким же я сидел в своей однушке и давился тем проклятым тортом в одиночестве.

Мысли вяло ворочались в черепной коробке, и поверх всего трепыхался ленивый вопрос: а могло ли всё быть по-другому?

Броня БТРа размеренно вибрировала, передавая внутрь каждый удар о колею развороченного снарядами грунта. Мы ехали медленно, петляя между воронок и развалин того, что когда-то было пригородным посёлком. Сквозь открытый лючок мехвода доносилась та самая «фронтальная симфония» — грохот, треск, приглушённые крики, матерная ругань.

Через некоторое время машина окончательно останови-

лась. Задний люк с лязгом распахнулся, и внутрь заглянул мужик в погонах сержанта.

— Дальше пешком! По окопам, быстро!

Я выбрался наружу и спрыгнул с машины. Земля была чёрной, изрытой, усеянной осколками и гильзами. Воздух, который я так воспевал несколько часов назад, здесь был густым и едким от гари и разложения. Откуда-то тянул слабый тошнотворный аромат ванили... У знающих людей этот мерзкий запах навсегда остаётся связан с чьей-то пробитой головой.

Долго наслаждаться свободой мне не дали и сразу повели по узкому, зигзагообразному ходу сообщения. Стены окопов были укреплены деревянными плахами и мешками с песком, на дне хлюпала грязная талая вода, смешанная с чем-то бурым. Мы шли, сгорбившись, и я снова видел войну без прикрас.

Мимо нас, навстречу, двигались санитары с носилками. На одних лежал раненый, он протяжно стонал, прижимая к животу окровавленную повязку, его глаза были полны страха и боли. На других — кто-то, накрытый плащ-палаткой и больше не издающий ни звука. С торчащих из-под брезента ботинок капала в грязь алая влага.

Я видел лица солдат, сидевших в нишах-«отсидках». Они курили, молча смотря в одну точку, или пытались дремать, прислонив головы к сырым брёвнам. Усталость, грязь, пустота. Остекленелые взгляды. Они были похожи на стадо за-

гнанных животных, ожидающих своей участи. И я шёл среди них, бессмертный, не по-человечески могущественный и, вероятно, самый несчастный из них всех.

Зачем вам это? — проносилось у меня в голове, когда я ловил чей-то случайный взгляд. — Вам бы дома сидеть, девушек любить, детишек растить... А вы здесь, в этом месте из грязи и крови, из-за таких, как я. Из-за чудовищ, что породила наша общая, никчёмная жажда силы и власти.

Мы шли долго. Чем ближе к передовой, тем всё более измотанными и нервными становились лица солдат. Чаше слышались окрики командиров, резкие взрывы снарядов и мин, тревожное жужжание беспилотников над головами.

Мы прошли мимо разрушенного пулемётного гнезда. Тело пулемётчика было наполовину завалено землёй, а его застывшая рука всё ещё сжимала рукоять орудия. Я устал от-вернулся. Тяжело смотреть на такие мёртвые памятники насилия.

Наконец мы достигли цели. Ход сообщения вывел нас в небольшой блиндаж, набитый солдатами. Воздух здесь был густым и спёртым от дыхания десятка человек, смешанного с запахом горелого пороха и влажного сукна.

— Лейтенант Марков! — звонко выкрикнул рядовой, сопровождавший меня.

Откуда-то из глубины самодельной землянки поднялся молодой парень. Ему на вид не было и двадцати пяти. Лицо умное, резкое, но с тем же отпечатком усталости, что и у

всех. В его глазах читалось тяжёлое бремя ответственности.

— Я Марков. Это он? — лейтенант кивнул в мою сторону.

— Он. Задача штаба: не мешать. Указать сектор и направление на скопление целей. Всё. Дальше — его работа.

Лейтенант кивнул, снова окинув меня оценивающим взглядом. В его глазах не было ни страха, ни подобострастия. Было понимание того, что сейчас произойдёт что-то выходящее за рамки обычного боя, и от него требуется лишь выполнить свою часть работы.

Я же в этот момент смотрел на его ребят. Их было всего человек десять-пятнадцать. Кто-то чистил автомат, кто-то допивал холодный чай из фляги, кто-то просто сидел, уставясь в стену. Почти все они были молоды. Очень молоды. И они смотрели на своего лейтенанта и меня — незнакомца в чистой форме — с лёгким недоумением.

Запомни их, — приказал я сам себе. Всмотрись в их лица.

Вот тот, русоволосый, с упрямым подбородком. Он похож на того мальчишку из моего подъезда, который, открыв рот, спрашивал, скольких я убил. А тот, темноволосый, худой, с умными глазами, он, наверное, мог бы стать хорошим инженером. А этот, коренастый, с добрым, простоватым лицом, может быть, оставил где-то в деревне жену и детей.

Они не должны здесь умирать. Не должны быть размазаны по стенке блиндажа от всплеска какого-нибудь еб...нутого уроды. Их жизни, их будущее — вот что было настоящей ценностью. Жизнь не моя, не магов, а этих простых, испу-

ганных, но всё ещё держащихся парней.

Лейтенант Марков подошёл ко мне ближе, понизив голос.

— Итак, товарищ... — он запнулся, не зная, как меня называть.

— Первый. Просто Первый. Этого достаточно.

Лейтенант понятиливо кивнул.

— Сектор — прямо перед нами, за нейтралкой, около пяти-шестидесяти метров. Там у них КПП и, судя по всему, сборный пункт. Их «особенные» там и крутятся. Видели разваленную церковь?

Я кивнул. Издалека был виден покорёженный силуэт колокольни.

— От неё чуть левее. Там их и ищите. Пехота у них окопалась ближе, метров за триста. По нам бьют из миномётов и иногда выпускают... «магов».

Лицо Маркова помрачнело.

— Стрелять по ним почти бесполезно. Останавливает только крупный калибр или прямое попадание в голову. Ваша задача — уничтожить всех в том секторе. Ежели что... мы постараемся сдержать недобитков.

«Мы постараемся сдержать» — простая, но страшная фраза. Эти ребята думают «держат» орду полубезумных существ со сверхспособностями, пока я буду заниматься зачисткой. Я снова окинул взглядом блиндаж. Запомнил ещё раз эти лица. Эти жизни, которые, возможно, уже через час перестанут существовать. Из-за меня. Ради меня. Неважно.

— Могу приступить, — сказал я тихо, обращаясь к лейтенанту, но глядя куда-то сквозь него, в земляную стену блиндажа, за которой лежал путь к врагам.

Лейтенант Марков кивнул, его лицо стало жёстким, офицерским.

— Тогда по местам! Приготовиться! Работаем, парни! — крикнул он своим солдатам, и в его голосе вновь появились стальные нотки командира, ведущего своих людей в бой.

А я сделал шаг вперёд, к амбразуре, за которой лежало поле боя. Враги.

Тишина длилась ровно до того момента, как моя голова показалась над бруствером. Почти мгновенно воздух взвыл — превратился в сплошную, оголтелую стену из свиста и грохота.

Передо мной, в сантиметрах от лица, мгновенно вспыхнула ядовито-золотая мембрана пси-щита. Сейчас, после всех экспериментов и случайных мутаций, он был не монолитным барьером, а скорее живой, вибрирующей сферой, сотканной из силовых линий. И теперь эта сфера зажила своей собственной, бешеной жизнью.

От её поверхности во все стороны выбивались снопы ослепительных искр — каждая попадающая пуля и каждый снаряд не просто останавливались, они аннигилировали, превращаясь в микроскопическую вспышку плазмы и кинетической энергии, которые щит поглощал и мгновенно рассеивал. Звук был оглушительным — это был непрерыв-

ный, пронзительный визг, словно гигантский лист металла рвали на части. Сквозь этот гул я физически чувствовал лёгкую, почти невесомую вибрацию, расходящуюся по телу — так щит сообщал мне о каждом попадании, коих были сотни в секунду.

И тут же, поверх этого ада, я ощутил их. Десятки холодных, безразличных «глаз», уставившихся на меня сверху. Квадрокоптеры. Они кружили высоко в небе, словно стервятники, ждущие пиршества. Их жужжание было неразличимо в оглушающем грохоте боя, но мои пси-силы чётко улавливали их присутствие — крошечные, техногенные точки в энергетическом поле окружающего пространства.

Вот, значит, как... — мрачно пронеслось у меня в голове. — Ну что же? Шоу начинается. Не просто уничтожить, а уничтожить демонстративно, значит... Чтобы твои кровавые подвиги красиво смотрелись на просторах инета и в новостных сводках... Хорошо... Будь по-вашему, уроды.

Горечь и цинизм, копившиеся десятилетиями, сгустились в единый, холодный ком, вставший поперёк горла. Раз уж я стал оружием, раз уж мне уготована роль циркового медведя, пусть они получают своё зрелище сполна...

Смотрите, мрази. Снимайте своё грёбаное кино.

Мысль была холодной и отстранённой. Всё это казалось такой мелкой, ничтожной суетой на фоне того ада, что творился внутри меня. Волна ледяной злобы и раздражения разлилась по телу.

Короткая мысленная команда — и пси-щит, бывший до этого облегающим коконом, с низким гулом рванул наружу. Он расширился на несколько метров в стороны, превратившись в огромный, искрящийся пузырь. Давление на него мгновенно возросло. Теперь по нему была не просто стрелковка, а, судя по калибру, крупнокалиберные пулемёты и автоматические пушки бронетехники. Искры от попадания слились в сплошное сияние, щит горел, словно маленькое неистовое солнце, освещая развороченную землю вокруг жутковатым жёлтым светом.

Я резко сорвался с места вперёд.

Это нельзя было назвать бегом. Скорее... нечто иное, невозможное для обычного человека. Я оттолкнулся от земли всей ненормальной силой собственных ног, с места набирая чудовищный разгон. Результат был мгновенным и разрушительным.

Точка, где я только что стоял, земля не выдержала чудовищного давления. Почва вздыбилась, а затем с грохотом, который перекрыл на секунду даже шум боя, разлетелась во все стороны. Подо мной произошёл настоящий локальный взрыв, вырвавший в земле кратер диаметром метра в два. Комья мёрзлого грунта и клубы пыли, поднятые этим «стартом», разметало по нейтралке, долетев даже до наших окопов. Я тихо пожелал, чтобы Марков и его ребята успели укрыться от этого града, а то потом долго будут отплёвываться...

Но я уже был в воздухе. Я не летел, а скорее скользил над землёй, покрывая расстояние со скоростью, невообразимой для человеческого глаза. Сотня метров пронеслась мимо за секунду, а приземление было столь же жёстким и быстрым, как старт. Мощный удар и жуткий грохот сотрясли землю уже на вражеской территории, в нескольких десятках метров от передовых окопов противника. Мой щит, поглощая чудовищную инерцию и гася перегрузку, вспыхнул подобно разрыву баллистической ракеты, в роли которой выступал я сам.

И вот тут, сквозь оглушительный грохот оружия и вой пуль, мой усиленный слух уловил нечто новое. Из вражеских окопов до меня донеслись первые, испуганные крики: резкие, ломаные панические команды.

— Was ist das?! (Что это такое?!)

— Schieß weiter! Nicht aufhören! (Стреляй дальше! Не останавливаться!)

— Das ist kein Mensch! (Это не человек!)

Их голоса были пронзительными, срывающимися на фальцет. Мне даже на мгновение стало интересно, что же они так интересно кричат. В голосах обычных людей был слышен не просто испуг, а первобытный, животный ужас перед тем, что не поддаётся логике. Они видели, как их шквальный огонь, способный смести целую роту, даже не заставил меня замедлить шаг. Они видели взрыв на месте моего старта и почти мгновенный рывок на пару сотен метров.

Их командиры, должно быть, отдали новые приказы, пото-

му что характер огня изменился. Беспорядочная пальба сменилась более концентрированным, методичным обстрелом. С небольшой задержкой к грохочущим пулемётам присоединились снайперы — я почувствовал редкие, но более мощные удары о щит, вероятно, от крупнокалиберных винтовок. Затем заработали и автоматические гранатомёты, окатывая меня огнём взрывов.

Гудение щита стало протяжнее... Ниже... По телу разливалась неприятная вибрация и разбегались тысячи мурашек. Мерзко...

Прямо передо мной, ещё метров через двести, я мысленным взором ощутил скопление энергии, радикально отличавшейся от обычного оружия. Там было несколько «особых» точек — искажённые, безумные паттерны, пляшущие в хаотичном ритме. Маги. Нестабильные. Мой рывок явно всполошил их, и теперь они спешно копили силы для ответного удара.

Но сначала нужно было разобраться с обычными солдатами. С теми, кто сейчас в ужасе давил на спусковые крючки, пытаясь остановить меня. Простите, парни. Сегодня точно не ваш день.

Я сделал шаг вперёд. Всего один шаг. Но подошва моей армейской берцы с грохотом врезалась в землю и ушла по колено вниз, посылая трещину в грунте по направлению к вражеским окопам и создавая проход уже для меня. Щит — это, конечно, хорошо, но мало ли что... Мои желания — это

мои хотелки, а вот парней сбереечь надо — маги вырежут их и даже не заметят.

Я поднял руку вверх, обратив её раскрытой ладонью в сторону противника. Жест был чисто символический — исключительно ради моей собственной концентрации, да и чего уж греха таить... хотелось показать наблюдателям настоящее «кино».

Я в крайний раз всмотрелся в щели между пальцами. Начнём с малого. Покажем им, что такое телекинез.

Сразу хватать танки или срывать с креплений техники бронелисты не было смысла — только мозги гореть начнут от масштаба. Вместо этого я предпочёл сконцентрироваться на мелочах. На том, что окружало каждого солдата в его же окопе. На гильзах, разбросанных вокруг ног. На котелках, на осколках кирпичей, на штык-ножах, воткнутых в бруствер... На пуговицах формы...

И приказал им двигаться. Не куда-то конкретно — мне трудно было даже банально обнаружить и удержать в фокусе столько предметов, не то что сказать им самим *найти* врагов. Нет. Я просто придал всему, до чего смог дотянуться, максимально возможную скорость, даже не указав направления.

Сотни мелких металлических предметов вдруг сорвались со своих мест. Они зависли в воздухе на секунду, образуя странную, блестящую россыпь, и затем с резким свистом рванули во все стороны. Это был не направленный удар, а хаотичный, безумный град из всего, что плохо лежало. Гильза,

вонзившаяся солдату в шею. Котелок, проломивший каску. Кусок арматуры, прошивший насквозь бревно и тело за ним, блиндаж, сквозь ткань которого в небеса выстрелила фляга...

Вопли ужаса и резкие команды сменились криками боли и агонии. Хаотичный огонь на мгновение прекратился, захлебнувшись в этом абсурдном, не поддающемся логике контрударе.

Идеально. Как раз то, что нужно для зрелищности. Надеюсь, все останутся довольны моей работой, а народ по ту сторону экранов ужаснётся и потребует моей скорейшей ликвидации.

Я сделал ещё один шаг вперёд. Давление на щит снова начало нарастать — оставшиеся в живых опомнились, их страх сменился яростью, отчаянием, и они судорожно начали стараться прибить меня раз и навсегда. Да уж... Зрелищность зашкаливала, а точность хромала. Плевать. Плотность огня в любом случае ослабела, и золотые вспышки больше не так сильно мешают обзору.

Я выбрался из импровизированного окопа и направился туда, где чувствовал скопление «особых» точек. К магам. Настоящая работа только начиналась. Это же, видимо, поняли и операторы дронов, спешно рассыпав свои жужжащие машины по небу.

Снимайте, снимайте, гады, — беззвучно бросил я им. — Снимайте ваше кино. Только не жалуйтесь мне потом на обилие спецэффектов. Сами попросили...

Сделав очередной шаг, я наконец-то вышел на открытое пространство, за первую линией окопов, которые лейтенант Марков упоминал с такой тревогой в голосе. Пейзаж вокруг был апокалиптическим: изрытая воронками земля, обгоревшие остовы техники, щедро приправленные клочьями камуфляжа и тёмными, успевшими впитаться в грунт пятнами. Воздух, густой от гари и пыли, неприятно щипал ноздри.

Я двинулся в сторону того самого искажённого энергетического пятна, что плясало на краю моего внутреннего «радар». Маги. Чудовища, порождённые моей же кровью и геномом. Теперь мне предстояло их уничтожить. Ирония судьбы? Да нет, вроде... Просто очередной плод людской жадности и жажды власти. Внезапно в голове мелькнули воспоминания о повести Гоголя «Тарас Бульба», вызвав на моих губах кислую ухмылку. Интересно, старый казак чувствовал себя так же, как я, убивая сына?

Следующая мысль уже была о том, что где-то там, позади, за моей спиной, сидят в окопах те самые мальчишки, чьи лица я только что запоминал... Эта идея почему-то придала моим шагам какую-то тёмную, отчаянную целеустремлённость. Пусть это и мог быть мой последний поход к костлявой, но по дороге к старухе я успею сделать хоть что-то хорошее.

Давление на щит не ослабевало. Пули, осколки, снаряды — всё это продолжало превращаться в фейерверк ослепительных золотых вспышек, но я уже почти перестал их замечать, как перестаёшь замечать назойливый шум дождя за

окном. Моё внимание всё больше сужалось до пляшущих «огоньков» чужой энергии впереди.

И вот тогда мой мир взорвался. Превратился в абсолютный, всепоглощающий, полубожественный свет.

— БЛЯЯЯТЬ, ГЛАЗААААААА!

УРОДЛИВЫЙ И, СУКА, ПИЗДЕЦ КАКОЙ ГРОМКИЙ
ВОПЛЬ ВЫРВАЛСЯ ИЗ МОЕЙ ГЛОТКИ!!!

Мой пси-щит, этот верный, неотъемлемый кусочек меня, сработал как всегда на отлично! Он не просто поглотил ударную волну. Он поглотил всю энергию взрыва, испарил все поражающие элементы. И всё бы хорошо, но... эта сука вспыхнула ТАКИМ ярким светом, что мне нахрен выжгло сетчатку глаз.

Боль пришла мгновенно. Не знаю уж, кому эта тварь поступает с задержкой, но ко мне она явно любит влетать с ноги и без стука!

И спустя всего миг, не дав мне толком выговориться и высказать судьбе всё, что я о ней думаю, я полетел вниз, жёстко приложившись копчиком о что-то жёсткое. Сука... Ну как так-то?

Острая и резкая боль в позвоночнике на мгновение вспыхнула столь ярко, что заглушила боль в глазах и выдавила пару капель горьких слёз.

Сознание помутнело, но не отключилось. Бессмертие оно такое... Не даёт даже отключиться от шока. Так что я тупо лежал в полной темноте, медленно осознавая действитель-

ность и сканируя пространство вокруг телекинезом. Я лежал на дне. Глубоком дне. Со всех сторон меня окружали отвесные стены из спёкшейся, остекленевшей земли. Глубина — метра четыре, не меньше. Диаметр — с добрый котлован для фундамента. Воздух пах фосфором, горелым кремнием и... палёной плотью. Видимо, какой-то труп попал в радиус моего щита и обгорел, не испарившись на месте.

Чем же в меня, лядь, зарядили? — ворочался в черепушке мой внутренний циник, пока тело судорожно и с противным зудом восстанавливало глаза. — Это явно не миномёт. Не авиабомба, от неё воронка была бы шире и мельче. Гаубица? Нет, тоже не то... Разве только что-то новенькое, экспериментальное... Кто-то решил нехило так потратиться на мою ликвидацию и скоро горько заплачет, когда я выкарабкаюсь наружу.

И всё же так глубоко, чётко, явно направленный удар... Очень похоже на противобункерную боеголовку. Какой-нибудь «Краснополь» или его западный аналог. Лазерно-наводимый снаряд... Навели по тепловому контрасту моего гребаного щита, суки?

От этой мысли стало ещё гаже. Меня не просто обстреляли. По мне прямо целились. И даже попали...

С последним противным желанием расчесать себе лицо зрение вернулось. Сначала — первые размытые пятна, потом — чёткая, до боли яркая картинка. Я лежал на дне свежее испечённого адка местного разлива. Над головой — клочок

грязно-серого неба, в котором всё так же назойливо жужжали своими летучками дрожащие от возбуждения операторы. Интересно, как им там в цивильном помещении, пока я тут жопу рву?

— Ну ничего... Снимайте, мрази, — прошипел я, поднимаясь на ноги. Спёкшаяся земля подо мной противно захрустела. Снимайте, как ваше главное оружие вылезает из могилы, которую вы для него заботливо выкопали.

Выбраться наружу для меня было делом пары секунд. Я не полез по стенам. Просто оттолкнулся от дна всей силой своих ног, а тело, словно снаряд, вылетело из воронки, описало в воздухе небольшую дугу и с тяжёлым, глухим ударом приземлилось на краю.

И тут я их ощутил. Как говорится, по-взрослому.

До этого они были просто как точки на радаре. Теперь же их присутствие обрушилось на меня физически, как волна жара и зуда где-то на краю сознания. Их было трое. И они приближались ко мне. Быстро.

Неужели никто не захотел пободаться на расстоянии? Или у них уже совсем мозги расплавились после препарата? Возможно...

А спустя миг я увидел истинность собственных предположений. Эти трое уже и правда не жилицы. Они вышли из-за полуразрушенной церквушки и сразу же понеслись на меня. Господи... Когда же этот пиздец закончится? Да и закончится ли теперь вообще... Я не знаю, кем были эти люди раньше,

но... Вряд ли они заслуживали своей участи.

Первый уже был тупым живым костром. Из его пустых глазниц, рта, кожных пор сочился дым и язычки огня, смешанные с чем-то жидким. Кажется, это уже его кровь начала покидать тело. Воздух вокруг него сильно нагрелся и пошёл рябью от жара, немного искажая человеческий силуэт. Он даже не шёл, а ломанно и криво переставлял ноги, чудом не заваливаясь вбок и оставляя за собой дымящийся шлейф. Маг огня. Уже за чертой безумия. Уже больше труп, чем человек.

Второй — стандартный щитовик. Авангард. Мужик в стандартной форме пехоты. Вокруг него дрожал и колыхался полупрозрачный пси-щит, по поверхности которого расплывались разноцветные круги. Словно бы кто-то вылил бензин на мыльный пузырь. Хрен знает, чего ожидать от него — такой вариации щита я пока не видел. Глаза уже помутнели, но искры разума пропали не до конца. Если бы не я — глядишь, прожил бы ещё несколько дней в полусознательном состоянии.

Третий — телекинетик. Моё подобие. Худой, с впалыми щеками и неестественно вывернутыми пальцами, которые постоянно двигались, будто перебирали невидимые нити или играли на рояле. Его сила была слабее моей, я это чувствовал кожей, но оттого не менее мерзкой. Ударный потенциал невысок, но вариативность заставляла считаться с ним. Неудобный противник. Судя по внешнему виду, был

на средней стадии между щитовиком и пламенным. Почти псих.

Простите, ребятки... Помолюсь как-нибудь за ваши души. Может, даже свечку поставлю. За упокой.

Первым, что логично, в бой рванул огневик. С минимальной задержкой за ним последовал щит. Телекинетик остался в отдалении... Наблюдал, гад. Ну что же...

— ПОТАНЦУЕМ, ЧЕРТИ!

Глава 4

Сближение началось с протяжного гула моего щита, начавшего фильтрацию воздуха и терморегуляцию, спасая меня от нестерпимого жара. Семьдесят метров до столкновения.

Фигура мага огня вспыхивает ослепительным факелом бледно-рыжего света. Рёв пламенной стихии, поднявшейся до небес, разрывает барабанные перепонки. Пси-щит спешно отсекает излишне громкие звуки.

Пятьдесят метров до столкновения. Я останавливаюсь, невидимые щупальца телекинеза проникают в почву и укрепляют, спрессовывают грунт под моими ногами, даря надёжную точку опоры. Сюрпризы мне сейчас не нужны.

Тридцать метров. Фронтальная часть пси-щита наливается золотом и упрочняется от мысленного приказа, готовясь принять на себя самый первый, чудовищный по силе удар. Волна огня разрастается вширь, заслоняя горизонт. Внутренний радар бьёт тревогу — обезумевший маг явно превышает свои обычные лимиты, и его атака начинает набирать силы сверх разумного. Время...

Разряды биоэлектричества сначала с треском выходят на кожный покров, а после заключают меня в самое настоящее кольцо из ревущих молний — я больше не в силах распознать, где в этом горящем аду находятся вражеские маги,

и мне нужно как-то заставить их держаться на расстоянии. Следом из воздуха и земли конденсируется влага, а щит начинается её синтез — необходимо озаботиться контрмерами против самой разрушительной способности противника. Готово. Теперь тело...

Контроль крови насыщает организм питательными веществами сверх нормы, запасая энергию. Мышцы расширяются и нарастают, кости укрепляются. Вокруг жизненно важных органов нарастают костяные пластины. За спиной пару раз мигает, и прямо в воздухе открывается портал в специально отведённое под это помещение научного комплекса, куда с треском и хлюпаньем из моего тела устремляется поток из плоти, крови, костей и дубликатов органов — всего, что может мне пригодиться для экстренной регенерации. Это мой запас на крайний случай... То, что я смогу максимально быстро использовать по мере получения увечий.

Ну давай же, горелка. Покажи, на что ты способен. Сделай то, что не удалось сотням инъекций и самым изощрённым умам комплекса. Подари мне грёбанный покой.

Стена огня в десяти метрах от меня... Совсем рядом...

Повинуясь моему мысленному приказу, содержание кислорода в окружающем пространстве тут же опускается в десятки раз, а влажность, наоборот, возрастает до состояния морского воздуха.

Пять метров...

УДАР!

Ревущая и безумная стихия на чудовищной скорости врежется в мой пси-щит, превращая его в сферу чистого золотого сияния. От столкновения с чужой магией столь чудовищного масштаба в первое мгновение щит прогибается, однако спустя всего миг возвращается к изначальной форме. Я вижу, как вокруг плавится земля.

Содержание кислорода в воздухе резким скачком опускается до околонулевых значений. Огонь отступает от меня, как от прокажённого, а обезумевший маг, не успев погасить инерцию, влетает в мой барьер... На моё лицо выползает звериный оскал.

— ПОПАЛСЯ, УБЛЮДОК!

Рука на чудовищной скорости выстреливает вперёд и, не замедляясь, проходит сквозь человеческое горло, выбивая шрапнель из попавшей под удар части позвоночника. Ударная волна от хлёсткого удара выбивает в стене огня огромную брешь, сквозь которую я замечаю приближение щитовика.

Обезглавленное тело огненного мага закручивается в воздухе и кровавым месивом отлетает от меня прочь, окропляя землю горячей кровью. Первый пошёл.

В этот миг мой мир сужается до тонкой, невидимой нити, которая впиалась в мой щит и принялась его рвать. Не грубой силой, а каким-то едким, разъедающим воздействием. Телекинетик. Он стоял поодаль, а его пальцы судорожно дёргались, будто разрывая невидимую паутину.

Умно. Не лезет в лоб, сволочь. Ищет слабое место? Его нет! Я ГРЁБАНЫЙ МОНСТР С СОТНЯМИ СВЕРХСИЛ!

Я повернулся к нему, игнорируя давящую тяжесть его атаки. И в этот момент увидел, как щитовик, тот самый «авангард», чей пси-пузырь колыхался радужными переливами, вдруг изменился. Его тело начало раздуваться, терять форму. Глаза, в которых недавно ещё теплилась искра осознанности, помутнели, наполнились животным ужасом. Он не выдерживал. Сила начала пожирать его изнутри. Гадство...

Хлёсткий удар ладонью по земле усиливается телекинезом в тысячи раз, и земная твердь расходится в стороны, порождая огромный разлом, от которого враг не успевает уйти в сторону и проваливается вниз, мгновенно лопааясь внутри сомкнувшихся каменных стен.

И тогда случилось то, чего я не ожидал даже от безумца. Телекинетик, видя, что его атаки на меня не приносят плодов, резко сменил цель. Его взгляд метнулся в сторону — туда, где за брустверами окопались ребята Маркова. Туда, где сидели те самые мальчишки с живыми, но такими взрослыми испуганными глазами.

Я всё понял ещё до того, как он успел что-то сделать. Холодная ярость, та самая, что копилась последние пятнадцать лет, вдруг вырвалась наружу. Из глотки вырвался не крик и не рык, а тихий, ледяной выдох, от которого застыла кровь в жилах.

— Нет, сука...

Это был приговор.

Он уже поднимал в воздух груды обломков — ржавую арматуру, бетонные глыбы, неразорвавшиеся снаряды. Целую тучу смерти, готовую обрушиться на окопы.

А я рванул вперёд. Не думая о защите, о щите, о тактике, о сохранении сил. Я просто исчез с того места, где стоял, и с грохотом от грубого приземления материализовался на пути этого летящего ада. Мой золотой барьер рванул во все стороны, растянулся в гигантскую, сияющую стену, которая вобрала в себя весь этот шквал.

Удар был чудовищным. Не физически — щит хорошо справился с ударной волной и сотнями взрывов. Куда страшнее был удар по рассудку. Я почувствовал, как в голове что-то трещит и лопается. Из носа и ушей хлынули горячие струйки крови. Мир поплыл перед глазами.

Держись, слабак... Ещё секунду... Всего пару секунд...

Я видел их лица позади. Русоволосого парня с упрямым подбородком. Худого, с умными глазами. Коренастого семьянина... Их жизни стоили моей боли. Стоили того, чтобы хоть сдохнуть за них здесь и сейчас.

Телекинетик, видя, что его атака заблокирована, закричал. Нечеловеческим, животным воплем. Он вложил в следующий бросок всё, что у него осталось. Окопы накрывала новая волна обломков и снарядов, ещё более мощная.

И тут я его поймал. Наши взгляды встретились сквозь сияние щита и летящие камни. В его глазах были только безу-

мие и ярость. В моих — лишь усталость и мрачная решимость.

Этого хватит...

Я не стал применять сложных способностей. Не стал плестись плазмой или вызывать молнии. Это было бы для него слишком почётно. Слишком «зрелищно».

Я просто сжал то, до чего смог дотянуться.

Телекинез. Банальный, примитивный. Но умноженный на ту самую стабильность рассудка, что прошла через семьсот инъекций. Я сжал пространство вокруг него. Воздух, который он вдыхал. Грудь, в которой билось его сердце. Я грубо смял его тело, лишившееся пси-защиты.

Он захлебнулся на полувздохе. Его глаза, полные непонимания и детской обиды, вылезли из орбит. Его ослабевший от безумия пси-щит оказался беспомощен против давления, которое пришло из ниоткуда.

Раздался глухой, влажный хруст.

Третий готов.

С хрипом и тяжёлым выдохом я отпустил его. Безжизненное тело грузно рухнуло на землю.

Тишина. На несколько секунд воцарилась оглушительная тишина. Даже грохот боя позади куда-то отступил.

Я стоял, пошатываясь, пытаюсь перевести дыхание. Кровь капала с моего подбородка на свежий камуфляж. Голова раскалывалась.

Я посмотрел на тело телекинетика, потом на тлеющую

грудю, что была огневиком. Никакого триумфа. Никакого облегчения. Только знакомая, до тошноты, горечь.

И ради этого...? Ради этого я терпел все эти годы? Чтобы стать палачом для таких же несчастных, как я сам?

Я медленно повернулся и посмотрел в сторону наших окопов. Оттуда на меня смотрели десятки глаз. В них был не восторг. Не благодарность. Был лишь первый и самый сильный шок.

И тут ко мне вновь вернулись звуки. Сначала тихие, потом нарастающие. Не крики, не выстрелы. Жужжание. Десятков, сотен квадрокоптеров. Они кружили над полем боя, как стервятники, а их объективы были направлены на меня.

— Снимайте, — беззвучно прошептал я, вытирая кровь с губ. — Снимайте ваше грёбаное кино. Герой победил. Герой стоит весь в крови. Только не спрашивайте, чьей...

Я сделал шаг к нашим позициям. И впервые за долгие годы мне не хотелось, чтобы этот шаг стал последним. Наконец-то груз сожалений ненадолго отступил от меня. Я справился. Защитил.

Как же хорошо на душе...

Тишина...

Не та, что была секунду назад, оглушительная и звенящая после боя. А внутренняя. Тишина в собственной голове. Я тихо отпустил контроль над собственными силами. словно перерезал невидимые канаты, на которых держал массивные стальные балки. Выматывающее напряжение исчезло, оста-

вив приятный холодок в висках, а за этим последовал и физический распад всего, что я на себя навесил.

Костяная броня, наросты на рёбрах и ключицах с сухим треском отслоились и рухнули к моим ногам грубой грязно-белой крошкой. Молнии, что кружили вокруг меня фиолетовым ореолом, с последним жалобным визгом растворились в воздухе, оставив после себя лишь лёгкий запах озона. Портал за спиной дрогнул, из его центра донёсся отчаянный бульк, и он схлопнулся. Резко. Почти беззвучно. Будто его и не было.

И тут меня накрыло. Не боль, не раны — их не было. Меня накрыла усталость. Чудовищная тяжесть, оседающая на кости, на мышцы, на каждую клеточку тела... Голова закружилась, в висках протяжно застучало. Это был тот самый «отходняк», знакомый любому, кто выживал после адреналинового шторма. Только в тысячу раз сильнее. Сотни расчётов в секунду, контроль над десятком сверхспособностей одновременно, постоянная пси-нагрузка, поддержка щита... Мой мозг, мой разум, эта проклятая, несокрушимая крепость, наконец-то расслабился. Не сломался, нет. Просто вышел на аварийный режим, требуя передышки. Я стоял, пошатываясь, и чувствовал, как последние силы вытекают из тела, забирая с собой напряжение смертельного боя.

Усталая и немного отстранённая мысль о том, что осталось в той комнате комплекса, вызвала у меня горькую, почти безумную усмешку. Учёные. Эти влюблённые в свою ра-

боту странные человечки... Они сейчас, наверное, ликуют. Подарок так подарок. Почти полтонны свежайшего биоматериала. Моя плоть, кровь, дубликаты органов — всё, что я сбросил, готовясь к бою. Они будут копошиться в этом кровавом месиве, тыкать в него щупальцами манипуляторов, разливать по пробиркам, замораживать, резать на тончайшие слои... А после из этого куска мяса они выжмут новые формулы, новые стабилизаторы, новые версии «вакцины». Чтобы следом за этим десятки, сотни смертников получили шанс стать такими же чудовищами, как я. Или просто сдохли в муках. Цикл повторяется. Я, даже пытаюсь сделать что-то хорошее, лишь подкидываю дров в топку этого двигателя смерти. Ирония судьбы? Нет, простая логика и здравый смысл.

Собрав остатки воли, я устало побрёл к нашим окопам. Ноги были ватными. Перебравшись через бруствер, я просто прыгнул вниз, не глядя. Удар о землю отдался слабой болью в коленях.

Бойцы встретили меня молча, но это у каждого была разная тишина. Взрослые, выдавшие виды вояки, с сединой на висках и шрамами на лице, смотрели на меня тяжело, без восторга. Они видели не героя, а оружие. Прекрасно понимали, что именно я сделал. Один коренастый сержант с обветренным лицом молча подошёл и тяжело хлопнул меня по плечу. Жест был красноречивее любых слов: «Жив, и ладно. Работа сделана. Благодарю. Не забуду». А потом он так же

молча развернулся и поплёлся в сторону грязного блиндажа, за ним последовали ещё двое, в точности повторив жест с похлопыванием меня по плечам. Они устали. От войны, от смерти, от меня. Не один только я ловил «отходняк» после скоротечного боя.

Но была и другая реакция. Пара молодых бойцов, пацанов, у которых ещё и пушок на щеках не сменился щетиной, сорвались с места и подбежали ко мне. Их глаза горели детским восторгом и восхищением.

— Вы... Это было просто нереально! — тараторя, выпалил один, русоволосый, тот самый, что напомнил мне мальчишку из подъезда. — Да вы их просто... В ключья! А щит! А как ты землю разорвал! Это ж какая сила!

Нет, пацан, это не сила, — устало подумал я, глядя в его восторженное лицо. Это проклятие. А те, кого ты поспешно приписал к «ключьям», — это такие же несчастные люди, как ты, как я, которых система сначала сломала, а потом выбросила за ненадобностью.

— Спасибо, — второй, темноволосый и худой, был более сдержан и говорил тише, но с тем же восторженным блеском в глазах. — Они бы нас... Мы бы не справились. Вы нас спасли. Спасибо огромное.

Устало слушая их, я постепенно всё больше уходил в свои мысли, иногда цинично и грубо комментируя их похвалу в мыслях. Но уже спустя минуту я не выдержал. Ноги предательски подкосились, и я, уставше оперевшись о сырую зем-

ляную стену окопа, медленно сполз по ней вниз, опустившись на корточки. Голова налилась свинцовой тяжестью и откинулась на брёвна укрепления. Я молча уставился в узкую полоску грязно-серого неба, виднеющуюся между краями окопа. Там, в вышине, всё еще жужжали дроны. Продолжали снимать...

А пацаны всё не унимались. Их восторженная речь и громкие возгласы лились рекой. Они уже представляли, как такие, как я, гонят врага обратно до самых границ, как война заканчивается победным парадом...

Наивные... — тихо подумал я, слушая их. Вы не понимаете, что я — не решение. Я лишь усугубление проблемы. Я — эскалация. Сегодня они послали троих психов. Завтра пришлют десять. Или одного, но такого, против кого и мне будет не устоять. Вы мечтаете о параде, победе, а я вижу лишь новые горы трупов. И ваши юные, глупые мордашки — среди них.

Внезапно поток их слов прервал резкий, уставший окрик: — Ану, разошлись! По местам! Сухпайка отожрались, гады?! Схрена ли на позициях никого?!

Это был лейтенант Марков. Его лицо было серым от усталости, напряжения, наигранной злости. Пацаны, словно щенки, пристыжённо замолчали, кивнули мне ещё раз и поспешили занять позиции. Дурачки... Не злился на вас Марков в самом деле. Сам таким был. Всё понимает...

Лейтенант проводил бойцов взглядом, потом тяжело

вздыхнул и опустился напротив меня на корточки, в точности повторяя мою позу. Он молча достал из нагрудного кармана помятую пачку сигарет, вытащил одну, протянул её мне, на что я равнодушно покачал головой. Тогда Марков закурил её сам. Дым, едкий и знакомый, на мгновение перебил запах гари и смерти.

Он не смотрел на меня. Так же, как и я, он уставился в такое далёкое небо. Мы сидели молча. Двое уставших мужчин в грязном окопе. Один — обычный солдат, несущий груз командования и ответственности за своих ребят. Другой — бессмертное чудовище, несущее груз тысяч смертей и ответственности за всю эту бойню.

— Спасибо, — наконец тихо сказал Марков, не меняя позы и выпуская струйку дыма в прохладный воздух. — Ребята правы. Без тебя... нас бы здесь уже не было.

Я не ответил. Что я мог сказать? «Не за что»? Так это была бы тупая ложь, ничуть не ценящаяся в грязных окопах. Или «Я просто делал свою работу»? Это звучало бы слишком цинично даже для меня...

— Они... ещё совсем мальчишки, — через пару секунд продолжил лейтенант, кивнув в сторону ушедших бойцов. — Ещё верят в сказки. В героев.

— В сказках герои в конце концов побеждают и живут долго и счастливо, — хрипло выдавил я. Первые слова за долгое время. Голос казался чужим. — А в жизни они либо умирают, либо выживают. Третьего не дано.

Марков коротко, беззвучно и мрачно усмехнулся.

— Знаю.

Мы снова замолчали. Он понимал. Возможно, не до конца, но понимал и признавал ту цену, которую я только что заплатил. И ту цену, которую нам всем ещё только предстоит заплатить в будущем.

Я закрыл глаза, всё так же опираясь головой о влажное бревно, заботливо кем-то вбитое в земляную стену. Усталость накрывала меня с головой, как тёплая, тяжёлая волна. Гул в ушах понемногу стихал, сменяясь лишь отдалённым грохотом артиллерии и жужжанием так надоевших мне дронов. Ад закончился. На сегодня. Но где-то там, в стерильных лабораториях, учёные уже начинали разбирать его последствия, отсматривать новые видеозаписи, делать пометки в блокнотах и планшетах...

А я, как обычный солдат этой бесконечной войны, сидел в окопе и пытался найти в себе силы просто подняться на ноги.

Но даже так мне было хорошо. Я наконец-то позволил себе немного расслабиться от осознания того, что сделал хорошее дело.

Глава 5

Не знаю, сколько времени я просидел так, отрешённо глядя в небо, ощущая, как вибрация от разрывов артиллерийских снарядов проходит сквозь бревна и впитывается в моё тело. Усталость была — не физической (моя регенерация давно привела всё тело в норму), а ментальной. Как будто я только что провел многочасовую сложнейшую операцию, где от точности каждого движения зависели жизни.

Что, в общем-то, было чистой правдой.

Грохот боя постепенно затихал с приближением темноты, сменяясь напряжённой, звенящей тишиной, которую нарушали лишь отдалённые редкие очереди да одинокие хлопки снайперских винтовок. Воздух по-прежнему пах гарью и смертью, но к этому запаху я привык ещё двадцать лет назад.

— Первый, пойдёшь?

Голос Маркова вернул меня в реальность. Я медленно перевёл на него взгляд. Он стоял надо мной, его лицо всё так же было испачкано сажей и усталостью, а взгляд ещё оставался немного мутным после продолжительного отдыха.

— Вставай, пошли в блиндаж. Отдохнёшь.

— Мне не нужен отдых, лейтенант, — устало буркнул я, но всё же с некоторым усилием поднялся.

Мышцы отзывались приятной тяжестью, будто после хорошей тренировки. Ага, как же... Не нужен мне отдых, —

мрачно усмехнулся я про себя.

— Нужно не нужно, а поесть надо. Видел я, как ты там выкладывался. Даже такому, как ты, силы наверняка откуда-то брать нужно. У нас сегодня каша гречневая с тушёнкой и даже чай. Не отказывайся — хоть так тебя отблагодарим. Уважь ребят.

— Ладно, — я коротко кивнул.

Гречневая, так гречневая... Давно не ел полевой кухни. Соскучился даже.

Блиндаж встретил нас спёртым тёплым воздухом, пропахшим махоркой, влажным сукном и тем самым, долгожданным, ароматом гречки и мяса. Несколько бойцов, сидевших на импровизированных лавках, при нашем появлении встрепенулись. Те самые пацаны, что недавно восхищались моим «подвигом», всё так же пожирали меня глазами с прежним восторгом, но теперь в их взгляде появилась и капля робости. Взрослые же мужики, сержанты, кивнули мне как своему. Приятно, чёрт возьми, ощущать это обычное человеческое отношение, а не чувствовать себя мясом в чужих лапах...

Марков устало сгорбился и ткнул пальцем в свободное место на ящике из-под патронов, служившем столом. На нём стояла алюминиевая миска с дымящейся кашей и такая же кружка с чаем. Настоящая идиллия...

— Садись. Ложка там, в общем ковше, чистая.

Я сел, взял предложенную ложку. Ощущение было до

смешного непривычным. Тёплая, шершавая пластмасса приятно колола острыми краями пальцы. Я зачерпнул кашу, поднёс ко рту. Вкус... отозвался ядерным взрывом воспоминаний в голове. Вроде простая гречка, простая тушёнка, немного пересоленная. Но для меня это был вкус жизни... Той самой, обычной, человеческой жизни, от которой я сам себя оторвал пятнадцать лет назад. Обычная, грубая солдатская стряпня приятно щипала язык и горячим комком опускалась в горло...

— Ну что? Съедобно? — с усмешкой поинтересовался один из сержантов, коренастый, с медвежьей фигурой.

— Да вроде не подавился, — тихо парировал я.

В блиндаже раздался грубый мужской гогот, спустя пару минут и десяток подколов сменившийся тишиной.

Дальше мы ели молча — лишь вялое чавканье и редкие фразы иногда прерывали это спокойное затишье. Я ел и чувствовал их взгляды на себе, но это уже не был взгляд на великого героя или страшное оружие. Это был взгляд на бойца, который только что сделал за них самую грязную, но такую нужную работу. Я тихо прислушивался к их негромким разговорам о чём-то своём, о каких-то бытовых мелочах, о том, что у одного из них дома собака оценилась, а другой уже мечтал, как после войны поедет с женой на море... Впервые за долгие годы внутри не было той всепоглощающей, выдающей душу пустоты. Была странная, почти неприличная для такого места и времени лёгкость. Я сделал что-то хоро-

шее. Конкретное, осязаемое. Эти парни сейчас живы, они едят свою гречку и строят планы, и в этом есть и моя, пусть и крошечная, заслуга. Циник во мне тут же язвительно заметил, что это лишь капля в море крови, что я лишь отсрочил их возможную гибель, что система рано или поздно перемолотит таких пацанов тысячами... Но сегодня он был грубо придушен и засунут в самую глубокую дыру моего рассудка. Нечего омрачать мне такой хороший день.

Внезапно в офицерской сумке Маркова тихо пискнул его планшет. Он, не прекращая жевать, взглянул на экран, и его лицо мгновенно сделалось усталым, а спустя миг стало каменной маской. Он отложил ложку в сторону, вытер губы тыльной стороной ладони.

— Первый, — голос снова стал твёрдым, офицерским. — Приказ из штаба. Тебе надлежит немедленно явиться для прохождения психологического обследования.

В блиндаже вновь наступила тягостная тишина. Смолкли даже короткие разговоры между бойцами. Все внимательно смотрели на меня. Понимали ведь, что это значит. Цирк уехал, представление окончено, и дрессированное чудовище возвращают в клетку для осмотра ветеринарами. Как бы только оно от этих новостей не взбунтовалось прямо среди худосочных циркачей...

Я медленно допил свой чай. Горький, крепкий, едва разбавленный сахаром. Господи, как же это вкусно...

— Понял, — лишь одно слово тихо сказал я, вставая и сво-

им спокойствием разгоняя повисшее в воздухе напряжение.

Марков тоже поднялся. Он посмотрел мне прямо в глаза, и только в его взгляде не было ни страха, ни подобострастия. Было странное сочетание уважения и... жалости? Эй-эй, лейтенант... Не того человека ты жалеешь...

—Благодарю за службу, — Марков протянул мне руку, а затем уже тише добавил: — Спасибо за ребят.

Я посмотрел на его изрезанную морщинами ладонь, а затем медленно, с хирургической аккуратностью, пожал её. Кожа была грубой и шершавой... сухой...

—Не за что, лейтенант. Я просто делал свою работу.

На этот раз это не звучало цинично. Это была простая констатация факта. Общепринятый ответ.

— Петрыкин! — крикнул через плечо Марков, и из глубины блиндажа поднялся тот самый рядовой, что сопровождал меня с самого начала. — Проводи Первого до штаба. И не досаждай человеку своей болтовнёй.

Петрыкин молча и виновато кивнул, взял свой автомат и вышел из блиндажа, жестом приглашая меня следовать за собой.

Дорога обратно в штаб прошла в молчании. Петрыкин, то ли подчиняясь приказу, то ли сам понявший, что я не любитель болтать, не пытался завести разговор, за что я был ему безмерно благодарен. Я просто шёл и отдыхал... наслаждался остатками того странного умиротворения, подаренного мне молодым лейтенантом. Где-то я молча, без камер и генера-

лов, хорошо провёл время в мужской компании. Это был, пожалуй, самый человеческий момент за последние пятнадцать лет. Циник тихо забубнил, что это лишь короткая передышка, что сейчас начнется самое неприятное, но его голос быстро потонул в приятной тяжести пищи в желудке и воспоминаниях о простом, мужском «спасибо».

Броневик, присланный из штаба, оказался тесным и душным. Внутри пахло перегаром, потом и металлом. Я втиснулся на сиденье, и почти сразу дверь захлопнулась, отсекая внешний мир — его запахи, звуки... Теперь в голове звучал только рёв двигателя и скрип подвески.

Напротив меня сидел генерал. Тот самый, седой и суровый, с лицом, изрезанным морщинами, как карта боевых действий. Он молча протянул мне свою походную флягу.

— Пей. Не брезгуй. Прости, ничего крепче предложить не могу — ты нам ещё нужен в твёрдом здравии.

Я взял флягу. Внутри оказался не вода или алкоголь, а крепкий, холодный чай с лимоном и сахаром. Я сделал несколько глотков, чувствуя, как сладкая прохлада разливается по измождённому телу. Это было до смешного приятно.

— Спасибо.

— Не за что, солдат, — генерал откинулся на спинку сиденья, доставая планшет. — Отчёт о выполнении боевой задачи уже изучал. Задача выполнена. Даже более чем. Молодец.

Он включил планшет. На экране замерцало видео — то самое, снятое с дронов. Я видел себя со стороны: золотая

сфера щита, вспышки, чудовищный рывок, а затем... Пафосная нарезка из хаотичного града гильз, котелков и осколков. Кадры были смонтированы в динамичный ролик, залихватская драйвовая музыка заглушала естественные звуки боя, а закадровый голос пафосно вещал о «несокрушимой мощи первого мага», «неотвратимом возмездии врагу»...

Генерал щёлкнул, и видео сменилось прямой трансляцией с какой-то городской площади. Тысячи людей. Лица, искажённые не страхом, а детским восторгом. Они смотрели на огромный экран, где я разрывал землю и сминал магов. Кто-то плакал, кто-то обнимался, молодые парни с горящими глазами скандировали что-то, сжимая кулаки.

— Смотри, — генерал ткнул пальцем в экран. Его голос был лишён пафоса, он был простым, усталым, но удовлетворённым, как у старшего товарища, показывающего младшему результаты его трудов. — Видишь их? Вчера они паниковали, готовили сумки, чтобы бежать из города. А сегодня... Они снова верят. Они видят в тебе не очередного монстра. Они видят героя. Реальную, осязаемую защиту. После твоего выступления панические настроения в тылу упали почти на семьдесят процентов. Магазины снова открываются, люди возвращаются к работе. Ты дал им то, что не смогла дать ни одна наша победа за последний месяц — уверенность.

Он выключил планшет и посмотрел на меня прямо. Его взгляд был тяжёлым, но в нём не было ни лести, ни подобострастия.

— Я не буду тебе врать, сынок. Для верхов ты — стратегический актив. Удобная политическая фигура. Оружие. Для меня же... — он тяжело вздохнул, — для меня ты, в первую очередь, солдат. Измотанный, прошедший через такие круги ада, какие мне и не снились, но солдат. И я, как старший по званию, обязан о тебе позаботиться. Пусть даже моя работа и заключается в том, чтобы использовать тебя.

В его словах была горькая, солдатская правда. Он не украшивал и не лицемерил. Говорил всё прямо и чётко. В лицо. Он видел во мне не бога, не чудовище, а именно солдата. Пусть и сверхъестественно могущественного. И в этой простой, суровой логике была своя, странная забота.

—Понимаю, — тихо сказал я.

—Вот и славно, — генерал удовлетворённо кивнул. — Теперь слушай внимательно, что тебе предстоит. У здания штаба тебя будет ждать... пресса.

Я невольно поморщился. Воспоминания о первой встрече с журналистами, об этих слепящих вспышках и жадных до сенсаций лицах, были свежи и неприятны.

—Не пугайся, — генерал, кажется, уловил мою реакцию. — Никаких интервью от тебя не требуют. Наоборот. Молчание — твой лучший союзник. Оно создаёт образ. Образ сурового, немногословного защитника. Героя, который снизошёл до смертных, чтобы совершить подвиг, но не собирается тратить время на пустые слова. Твоё дело — делать, а не говорить. Это куда сильнее воздействует на умы, чем любые

пафосные речи.

Он помолчал, давая мне это осознать.

— Но, — продолжил он после паузы, — посветить лицом тебе придётся. Выйти, постоять, дать им сделать пару кадров. Позволь им увидеть своего защитника. Уставшего, но несломленного. Это важно. Народ должен увидеть своего героя. Хотя бы на минуту.

Броневи́к резко затормозил, подъехав к центральному входу штабного здания. Генерал положил руку на моё плечо. Жест был твёрдым, отцовским. За дверью бронемашины стал слышен нарастающий гул толпы.

— Готов? — спросил генерал.

Я молча кивнул.

Дверь открылась. И снова — ослепительная стена вспышек. Рёв толпы, крики репортёров. Но на этот раз это был не тот, жадный до сенсаций гул, а нечто иное. В нём слышались надежда, облегчение, почти религиозный восторг.

«ПЕРВЫЙ! СМОТРИТЕ СЮДА!»

«СПАСИБО!»

«ДАЙТЕ БОГ ВАМ ЗДОРОВЬЯ!»

«МЫ С ВАМИ, ПЕРВЫЙ!»

Пройдя по утоптанному плацу, я поднялся на небольшую, специально сооружённую площадку. Не улыбался. Не махал рукой. Просто стоял. Смотрел поверх голов, вдаль, на багровое зарево, всё ещё висевшее над горизонтом. Я позволил им увидеть моё лицо. Лицо, на котором была написана не гор-

дая отвага, а суровая усталость, какое-то приземлённое мужество, наверное. И, кажется, это сработало. Крики стали тише, сменившись более уважительными возгласами. Вспышки камер теперь не слепили, а будто бы освещали, выделяли мою фигуру из окружающего пространства...

Я простоял так, как и договаривались, минуту. А потом, не говоря ни слова, развернулся и в сопровождении спецгруппы ушёл внутрь полевого штаба. Дверь за моей спиной захлопнулась, и оглушительный шум сменился тишиной пустого коридора.

Генерал, шедший рядом, одобрительно хмыкнул.

— Отлично. Даже почти идеально. Молчание сказало им больше, чем тысяча слов. Теперь иди. Пётр Алексеевич тебя уже ждёт.

И вправду, на очередном повороте коридора меня встречал пожилой психолог из комплекса. Его молодая помощница Саша с планшетом стояла чуть поодаль. Выражение его лица было как всегда привычно-бесстрастным, но в глазах я прочитал лёгкое, профессиональное удовлетворение. Его главный подопечный вернулся живым, стабильным и даже выполнил боевую задачу. Для него это был бесценный результат.

— Первый, пройдёмте, — голос старика был как всегда ровный, располагающий и приятный. — Необходимо провести ваш осмотр.

Я молча последовал за ним в очередной кабинет. Пахло

бумагой и табаком...

—Присаживайтесь, — психолог мягко указал на одно из кожаных кресел, удобно расположившихся вокруг круглого стола в центре комнаты.

Я устало сел, позволяя уставшему телу расслабиться. Кресло было мягким, приятно-прохладным, удобным...

—Как вы себя чувствуете? — стандартный, протокольный вопрос.

Главный психолог уже доставал свой планшет, готовясь заносить наблюдения.

—Устал, — честно ответил я.

—Физически или морально?

—И так, и так. Но морально — больше.

Пожилой мужчина молча кивнул, неспеша делая пометки в своём блокноте.

—Опишите ваше состояние после применения сил. Были ли головные боли, головокружение, слуховые или зрительные галлюцинации? Что-то необычное?

—Головная боль. Сильная. После того, как пришлось блокировать массовую атаку телекинетика. Из носа и ушей шла кровь. Зрение на несколько секунд помутнело.

—Время восстановления? — глубокие глаза загорелись профессиональным интересом.

—Секунды. Не больше.

—Хм... Интересно, — он сделал новую пометку. — Теперь перейдём к эмоциональной составляющей. Опишите

ваши чувства во время боя. В момент убийства вражеских магов.

Я закрыл глаза. Передо мной снова встали образы: горящий огневик, щитовик, раздавленный в разломе, телекинетик с глазами, полными детской обиды...

—Никаких особых чувств не было. Только... отстранённость, наверное. И злость. На последнего, который попытался ударить по нашим окопам.

—Злость? Интересно... А после боя? Что вы чувствовали, когда вернулись к нашим позициям?

Я открыл глаза и посмотрел на него. Он был похож на хирурга, вскрывающего труп.

—Облегчение. Я... защитил их. Тех парней. Наконец-то сделал что-то хорошее. Не убил, а именно защитил.

Психолог снова что-то записал, его лицо оставалось расслабленным. Я всегда поражался тому, как этот мужчина одним своим присутствием погружает собеседника в расслабляющий транс... С ним всегда чувствуешь спокойствие... Хочется ему открываться... Безумно опасный старичок с добрыми и мудрыми глазами.

—Вы осознаёте, что уничтожили трёх человек?

—Я уничтожил три угрозы. Они уже не были людьми. Они были оружием. Как и я.

—Но вы же называете других магов «несчастливыми». В ваших мыслях, которые мы зафиксировали ранее, вы выражали сожаление.

Я устало вздохнул. Эта игра в кошки-мышки мне давно надоела.

—Я испытываю сожаление к тому, кем они были. К тем людям, которых сломали и превратили в... ЭТО. К тому, что с ними сделали. Но к тому, во что они превратились на поле боя, сожаления нет. Только необходимость их устранения.

Психолог кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворение.

—Хорошо. Рациональная, обоснованная позиция. Отсутствие неконтролируемой агрессии, равно как и разрушительного чувства вины. Пси-стабильность на высоком уровне. Последний вопрос, Первый.

Он отложил планшет и посмотрел на меня пристально.

—Как ваше изначальное желание... Оно всё ещё присутствует? Или...

Я замер. Этот вопрос ударил в самую суть... Я думал о воронке, о взрыве, о том, как летел вниз с надеждой на конец. А потом думал о лицах солдат в блиндаже. Об их молчаливой благодарности. О гречневой каше. О странном, почти отеческом жесте генерала.

—Оно... притупилось... — наконец выдавил я. — Сегодня... Сегодня я впервые за долгие годы не хотел умирать. Пока шёл бой. Пока знал, что от меня зависят их жизни...

Психолог продолжал внимательно смотреть на меня, словно сканируя.

—Но теперь, когда бой окончен, оно вернулось?

Я медленно кивнул, глядя в пол.

—Да. Вернулось. Но... не с той же силой. Оно теперь смешано с чем-то ещё. С чем-то, чего я не могу сейчас объяснить.

Психолог сделал последнюю, размашистую пометку в планшете и отложил его.

—Обследование завершено, молодой человек. Ваше психическое состояние стабильно. Деградации рассудка не наблюдаю. Даже напротив, я вижу отчётливую положительную динамику — появление новых про-социальных эмоциональных связей и ослабление суицидальных тенденций в контексте выполнения защитной функции. Поздравляю вас. Вы не только с честью выполнили свою задачу, но и сделали большой шаг вперёд.

Он сказал это без тени фальши или подобострастия. Он всегда так умело и... как-то по-родному и уважительно подбирает слова, что его похвала кажется особенно веской и тёплой...

Глава 6

Психолог снова кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то, помимо профессионального удовлетворения, — лёгкая, почти отеческая теплота, которую он редко позволял себе демонстрировать.

— Я рад это видеть. Любой прогресс, даже самый скромный, — это победа.

Он отложил планшет, встал и, к моему удивлению, протянул мне руку через стол.

Я на секунду замер, глядя на его сухую, исчерченную прожилками руку. Жест был настолько простым, человеческим и лишённым того оттенка опаски или подобострастия, к которым я привык, что вызвал короткое замыкание в мозгу. Затем я медленно поднял свою ладонь и аккуратно ответил на рукопожатие.

— Спасибо за вашу работу сегодня, Первый. И за вашу честность.

Он отпустил мою руку и, сделав паузу, мягко добавил:

— И, если позволите небольшое личное замечание... я горд вами. И как специалист, и как человек.

В его словах не было слышно фальши. Этот старик, знавший меня, возможно, лучше, чем даже я сам, видел все трещины и тёмные пещеры моего рассудка и умело этим пользовался. Это было одновременно и лестно, и до жуткости ци-

нично. Он мастерски играл на той самой, едва зародившейся во мне потребности в одобрении, в простом человеческом «спасибо». И он знал, что я понимаю это. Знал, что я знаю это.

— Теперь... — он снова стал деловитым. — Прошу вас остаться. К вам нанесёт визит... высшее руководство. Речь пойдёт о вашем дальнейшем благополучии и, разумеется, деятельности. Думаю, вы понимаете, что успешный дебют на фронте не останется без внимания.

«Высшее руководство». Не командование, не генералы... Выходит, политики. Те самые, что вечно прятались за спиной президента и его блестящим образом. Цирк с конями начинался...

— Понял, — я кивнул, всеми силами стараясь, чтобы в голосе не проскользнуло ничего, кроме усталого согласия. — Буду ждать.

— Отлично. Александра составит вам компанию.

Он кивнул в сторону Саши, которая всё это время молча стояла у стены, уткнувшись в свой планшет.

— На случай, если... потребуется оперативный мониторинг.

На случай, если у бесценного актива внезапно поедет крыша от предстоящей встречи с большими шишками, — мысленно перевёл я. Чистая формальность, конечно. Если у меня «поедет крыша», ни одной Саше с её планшетом меня не удержать. Но ритуал есть ритуал. И самообман, что всё под

контролем, у высшего руководства должен оставаться.

Психолог ещё раз напоследок коротко кивнул на прощание и вышел, мягко закрыв за собой дверь. Щелчок замка прозвучал оглушительно громко в наступившей тишине.

Комната погрузилась в молчание, нарушаемое лишь тихим гудением блоков питания на столе и моим собственным дыханием. Саша, не поднимая глаз, переместилась в кресло в углу, продолжая что-то печатать. Я отчётливо чувствовал её взгляд на себе, даже когда она, казалось бы, увлечённо смотрела в монитор... Мне бы такие навыки, да боюсь, согласие заработаю...

Но сейчас мне нужно было осмотреться, побродить, привести мысли в порядок. Начал я, разумеется, с первого пункта: осмотра комнаты. Это был не личный кабинет, а временное пристанище внутри обычной квартиры, реквизируемой под нужды штаба. Следы прежних хозяев ещё угадывались: пыльное пятно на стене от снятой картины, потёртый серый ковёр, стандартная мебель из светлого дерева.

Пока я ходил, в голове, словно на закольцованной плёнке, прокручивались события этого дня. Воспоминания появлялись обрывками, вспышками.

Тот самый огневик. Уже даже не человек, а живой, страдающий и стонущий костёр. Его глаза... Нет, не глаза, а пустые, дымящиеся впадины глазниц... И запах — палёного мяса и волос. Я не чувствовал триумфа, когда моя рука легко прошла сквозь его глотку. Только ледяное, знакомое отра-

щение. Отвращение к тому, чем он стал. И к тому, что сделал я. Когда-то это был обычный и, судя по всему, худощавый мужчина... Сомневаюсь, что в его мечты входило стать живым и сгорающим заживо куском мяса... Даже жалко его. Не заслуживают люди такой участи.

Дальше память услужливо подкинула лица солдат в блиндаже... Те мальчишки с восторгом и ужасом в глазах... И Марков. Лейтенант, который смотрел на меня не как на оружие, а как на солдата, товарища. Его усталое «спасибо» весило для меня больше, чем все благодарности генералов и чиновников вместе взятых. Это была простая, мужская правда, без подтекста и политики. Он видел результат, а не героический символ.

Генерал... Седая, грубая акула в мундире. Но он не юлил. Не лебезил. Говорил прямо, по-солдатски. «Для верхов ты — стратегический актив... для меня — солдат». Да, конечно, это был тонкий расчёт. Кто-то из психологов, наверняка этот самый старик, дал справку, что-то вроде: «Субъект негативно реагирует на ложь и подбострастие, ценит прямолинейность и воспринимает её как знак уважения». А потому они прислали мне именно этого старого волка, чтобы он своим простым, грубоватым тоном завоевал моё доверие. И, чёрт побери, это сработало! Я знал, что мной манипулируют, видел все ниточки, но... даже так я ему поверил. Мне хотелось ему верить. Потому что в его манипуляции была своя, солдатская честность. Он использовал правду как инструмент,

и это было гениально и отвратительно одновременно.

Мой неспешный круг по кабинету привёл меня к небольшому шкафу, забитому книгами. Видимо, прежний владелец был любителем чтения. Классика. Учебники. И на отдельной полке — художественная литература. Достоевский. «Преступление и наказание». Булгаков. «Мастер и Маргарита». Замятин. «Мы». Оруэлл. «1984». Хороший набор для интеллигента... Интересно, это его личная библиотека или просто декорация, часть атмосферы?

Я потянулся к корешку с числом «1984», но мои пальцы остановились на другой книге, стоявшей рядом. Скромный томик в тёмно-синей обложке. «Народные русские сказки». Издание аж прошлого века... Неожиданно. Я бережно снял книгу с полки. Бумага была пожелтевшей, пахла пылью и временем. Я машинально открыл её на случайной странице. «Иван-царевич и Серый Волк».

Циничная усмешка сама собой сорвалась с губ. Иван-дурак, которому волк помогает добыть диковинки, а в итоге и царство в придачу. Вот уж точно народный герой. А я кто? Первый маг. Символ новой эпохи. Новый былинный богатырь, от взмаха руки которого враги обращаются в прах. Из меня ведь по сути вылепили ту же самую сказку... Только в роли Серого Волка, приносящего победу, у меня выступает магия, подаренная сотнями смертельных инъекций и пятнадцатью годами в бетонной коробке.

Я аккуратно вернул книгу на полку и, наконец, опустил

в кресло. Оно было таким удобным... успокаивающим...

Мысли возвращались к генералу и его планшету. К тем кадрам. К ликующим толпам на площадях. Они смотрели на меня и видели не чудовище, не палача, а защитника. Спасителя. Государственная пропаганда, как всегда, работала безупречно. Они взяли кровавую бойню, смонтировали из неё эпичный блокбастер с пафосной музыкой и выдали населению. А народ, напуганный, отчаявшийся, с радостью ухватился за подсунутый образ. Им нужен был сильный, непобедимый герой. И они его получили.

И теперь политики, эти «высокие гости», придут ко мне. Они будут жать мне руку, смотреть в глаза, говорить о «судьбе Отечества» и «воле народа». Они будут старательно раскачивать новый тренд по полной. Моё лицо будет на плакатах, моё имя зазвучит в лозунгах. Из меня выжмут всю возможную политическую и пропагандистскую пользу. Я стану иконой. Живым знаменем, под которым они поведут людей на новые жертвы.

А что будет, когда образ начнёт трещать? Когда появятся первые неудачи? Или когда я, не дай бог, откажусь выполнять какой-нибудь их приказ? Логично было бы предположить, что они уже выращивают в своих лабораториях нового «Первого». Более управляемого. Более сговорчивого. Или ищут способ всё-таки сломать мой разум...

Я мысленно перебрал всё, что знал о магах и новых разработках. Нет... Вероятность появления нового чудовища в

ближайшей перспективе была крайне мала. Семьсот с лишним инъекций. Пятнадцать лет отбора. Уникальное стечение мутаций, приведшее к стабильности, а не к безумию. Они не смогут повторить это быстро. Все их нынешние «стабильные» маги — это лишь мои бледные тени, продукты моей крови и генома, способные выдержать лишь один курс препарата. Я же — уникальный экземпляр. Незаменимый. Пока что. Разрыв слишком велик, и быстро нагнать его не получится.

А раз так, со мной будут пытаться договариваться. Искать рычаги давления, конечно, не перестанут, но в основе всегда будут лежать договорённости и диалог. Торг.

И если это торг... значит, у меня есть своя позиция... Свои условия. Свои, как это ни парадоксально, желания.

Мысль оформилась внезапно, кристально чётко, вызвав новую, кривую усмешку.

Они хотят, чтобы я был их оружием? Их символом? Хорошо. Но за это они заплатят. И цена за это пусть будет... своеобразной.

Я снова посмотрел на стеллаж с книгами, мысленно вернувшись к тому, с чего начал этот день, к тому, что привело меня в эту комнату, на эту войну. К своему единственному, самому заветному, самому отчаянному желанию, теперь откладывающемуся на неопределённый срок.

Они ведь боятся, что я стану слишком сильным? Что превращусь в неуправляемого лже-бога? А что, если я сам этого

захочу? Что, если моя цена — продолжение экспериментов? Новая доза. Ещё одна. И ещё... Прямо здесь, на фронте. Без их стерильных лабораторий и бронированных столов.

Ведь каждая новая инъекция — это сила. Шаг к тому, чтобы стать чем-то настолько могущественным, что никакие генералы и политики уже не смогут мной вертеть... Тогда я смогу навязывать свои собственные условия... хоть целому миру...

Да, они будут пытаться мной управлять. Но я могу заставить их платить за это самую высокую для них цену — рисковать своим главным активом, подпитывая его силу, которая, возможно, однажды обратится против них самих. Ирония заключалась в том, что они, скорее всего, согласятся. Потому что им позарез нужны победы. А я, принимая препарат, вежливо соглашусь стать гарантией этих побед.

В углу комнаты Саша что-то нажала на своём планшете. Тихий щелчок прозвучал как выстрел в тишине...

Ну что же... Готовьте ваш шприц, господа, — злорадно подумал я, глядя на дверь, за которой вот-вот должны были появиться «высокие гости». — *Герой затребует продолжения банкета...*

Несмотря на всё моё ожидание, щелчок замка прозвучал не как предвестие чьего-то прихода, а как сигнал тревоги. Ровный, механический звук, после которого дверь в кабинет не просто открылась, а была плавно, но стремительно отброшена внутрь.

И в эту секунду моё спокойное, почти расслабленное состояние разбилось вдребезги.

В проёме, заполнив его собой, стояли они. Не щеголеватые адъютанты в парадной форме и не дорогие костюмы с пустыми глазами, охочими до денег. В кабинет вошла группа из четырёх человек, облачённых в матово-чёрную тактическую броню последнего поколения. Броня, полностью лишённая каких-либо бликов, казалось, поглощала сам свет. Шлемы с затемнёнными забралами, полностью скрывающие лица, делали их безликими исполнителями. В их руках — не привычные АК, а странные, угловатые автоматы, чьи линии и дульные срезы кричали о чудовищной цене и крайне узкой специализации... Те самые «маго-киллеры», штучные экземпляры, о которых я слышал лишь краем уха. Оружие, специально разработанное, чтобы пробивать такие пси-щиты, как мой, на ранних стадиях. Сейчас они были бесполезны против меня, но сам факт их появления был красноречивее любых слов...

Но это было лишь обрамление. Главной была фигура, что вошла следом, в разрыв, созданный этими чёрными фигурами.

Президент.

Иван Сергеевич. Тот самый, чей голос несколько часов назад лился с экранов, успокаивая миллионы. Тот, чьи портреты висели в каждом госучреждении. Но сейчас он был не просто интеллигентным политиком, а чем-то иным.

Он был в тёмном, почти чёрном, безупречно сидящем на нём костюме без галстука. И это отсутствие галстука, эта кажущаяся неформальность, делала его лишь опаснее. Он не казался статным — он был монолитным. Широкие плечи, прямая, как натянутая струна, спина, осанка, в которой читались годы настоящей выучки. Его лицо, обычно несущее на себе маску государственной скорби или уверенности, сейчас было очищено от всего лишнего. Оно было усталым. Глубокие морщины у глаз и рта казались высеченными резцом. Но в этой усталости не было слабости. Была холодная, почти ледяная концентрация. Его взгляд, тяжёлый и пронзительный, скользнул по комнате, на долю секунды задержался на Саше, застывшей у стены с побелевшим от шока лицом, и затем, не останавливаясь, замер на мне.

Я почувствовал, как что-то внутри меня дрогнуло и сжалось. Это была не просто неожиданность. Это было землетрясение на карте моих ожиданий. Я готовился к торгу с чиновниками, к игре в кошки-мышки с политиками. Я уже строил планы, как буду диктовать свои условия кардиналам из администрации. И вот вместо них передо мной стоял главный политик всей страны. Вершина пирамиды. Тот, кто принимает решения, от которых зависит всё.

Я даже не попытался встать. Какая-то часть моего мозга, не занятая обработкой этого шока, просто отказалась выполнять этот бессмысленный ритуал. Что я ему докажу? Своё уважение? Он пришёл ко мне. В мой «кабинет». Это был его

жест, и его правила.

Пока я сидел, парализованный этим визитом, чёрные тени его охраны пришли в движение. Быстро, беззвучно, с убийственной эффективностью двое мгновенно прочесали комнату, их шлемы с лёгким жужжанием сервоприводов поворачивались, сканируя пространство в спектрах, невидимых глазу. Один заглянул в соседнюю комнату, другой проверил гардероб. Их движения были отточены до автоматизма, до состояния рефлекса. Они не просто искали угрозы — они демилитаризовали пространство, превращая его в стерильную зону вокруг своего подопечного.

Президент не смотрел на них. Его взгляд, холодный, уставший и словно бы всевидящий, был прикован ко мне. Он прошёл через комнату и остановился прямо передо мной, так, что мне пришлось закинуть голову, чтобы встретить его глаза. Он смотрел на меня сверху вниз. Молча. Давление этой тишины было почти осязаемым... физическим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.